

№ 19 (6022)
6 - 12 мая 2005 г.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Газета основана в 1830 году
при участии А. С. ПУШКИНА
Издание возобновлено в 1929 году
при поддержке М. ГОРЬКОГО
Выходит по средам

Победители

Юрий ПОЛЯКОВ

Битва за память

Когда-то, во времена моего детства, отрочества, юности и даже зрелости, День Победы в самом деле был «праздником со слезами на глазах». Причём если выделять ключевое слово (как теперь модно), то, конечно же, это — «праздник». Правда, когда появилась знаменитая песня Владимира Харитонова, я слышал от некоторых фронтовиков ворчливое несогласие: мол, слёзы-то тут при чём? Мы же победили, радоваться надо, а не плакать! Но большинство — воевавшие и не воевавшие — приняли и благодарно запечатали в сердце эту поэтическую формулу, открытую замечательной мелодией Давида Тухманова. Но если мы сегодня попытаемся определить пресловутое «ключевое слово», то с удивлением обнаружим, что теперь это — «слёзы». Почему и что за этим стоит? Давайте разбираться...

Первоначальный образ войны в общественном сознании стал меняться давно, несколько десятилетий назад: победительно-агитационный пафос уходил на второй план, а на первый выступали страшные жертвы и лишения, которые были принесены нашим народом на алтарь Победы. В прозе и стихах литераторов-фронтовиков становилось всё больше жестокой правды, прежде беспощадно вымарываемой военной цензурой, призванной не выпускать в свет ничего, что может нанести вред замыслам командования и боевому духу личного состава. К осмыслению нравственного и исторического опыта войны подключилось и поколение людей не воевавших, наследников Великого Одоления. Конечно, часто «ужесточение» темы сталкивалось с ужесточением контроля. Известно, как трудно шёл фильм Алексея Германа «Проверка на дорогах», как не сразу пробилась к читателям оконная проза Вячеслава Кондратьева, как тяжело возвращался в историю Иван Стаднюк генерала Павлова. Добавлю, что спустя тридцать лет после смерти Дмитрия Кедрина мы всё ещё не могли опубликовать в «Московском литераторе» его стихи о хлебных очередях в военной Москве.

А вот случай, произошедший со мной, типичный для той эпохи. В моём сборнике, готовившемся в 1980 году в издательстве «Советский писатель», было стихотворение о командире, отказавшемся выполнять губительный приказ начальника и расстрелянном за это:

*Тут справедливости не требуй:
Война не время рассуждать.
Не выполнять приказ зелёный
Страшнее, чем его отдать...*

Главил не просто снял эти стихи — тираж книги был сокращён в три раза, а редактор, поэт Александр Волобуев, получил строгий выговор и от расстройств лёг с сердечным приступом. Конечно, можно за это, как, например, режиссёр Андрей Смирнов, которому помочали нервы с фильмом «Белорусский вокзал», возненавидеть советскую власть задолго с местом своего рождения. Это, кстати, стало ныне просто каким-то заблуждением. Подобно тому, как иной охтинский хулиган, получавший в своё время по шее от городского, объявлявший себя после Октябрьской революции участником штурма Зимнего или на худой конец жертвой режима, так сегодня множество писателей-лауреатов и режиссёров-делегатов оказались вдруг жертвами коммунистов и жестоковыми-диссидентами с партбилетами в карманах.

Но ведь на те же трудности, связанные с утверждением нового слова о войне, можно взглянуть и по-другому. Страшная угроза уничтожения потребовала выработки и внедрения в умы воюющих людей особенного, победно-жестового мировосприятия, ставшего, между прочим, таким же оружием, как «катюши» и «тридцатьчетвёрки». Но человек устроен так, что, выжив и сняв гимнастёрку, он порой до конца жизни донашивает в душе психологию «передовой», которая оказывается сильнее более передовой идеологии мирного времени. Я вырос в заводском общеджитии, где обитало, наверное, человек десять фронтовиков, и хорошо помню их «неформальные» рассказы о войне, которые почти один к одному совпадали с «формальными» рассказами, скажем, на пионерских сборах или комсомольских собраниях, куда их постоянно приглашали. Теперь это принято объяснять синдромом поколения, «напуганного Сталиным». Вряд ли всё так просто! Ведь, например, Егор Гайдар не производит впечатления напуганного человека, а тем не менее по сей день продолжает упорно нести всё тот же либеральный ликбез, хотя страна и мир за пятнадцать лет кардинально переменялись.

Но в нашем случае консервация победно-жестового мировосприятия в общественном сознании объясняется ещё поворотом мировой политики. Сейчас, наверное, только Познер и Сванидзе всерьёз уверены, будто угроза, нависшая над СССР после Победы, всего лишь плод сталинских параноидальных глюков.

Окончание на стр. 2

«Домой с Победой. 1945 год»
Фото Михаила САВИНА

ЛГ-РЕЙТИНГ

● В. Дайнес. Жуков. — М.: Молодая гвардия, 2005. — 553 [7] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: Серия биографий; Вып. 931).

Восный историк Владимир Дайнес взял на себя непростую миссию: рассказать о человеке, который в нашем обществе, как говорится, «на слуху и на виду». Однако книга эта оказалась на редкость читабельной. И не столько по причине харизматичности личности Г.К. Жукова, сколько благодаря неординарности суждений автора о тех или иных событиях, связанных с биографией полководца. Малоизвестные читателю сведения, почерпнутые историком в архивах, дают полное основание для доверия к книге, востребованной в год 60-летия Великой Победы и так, надеюсь, необходимой последующим поколениям.

● Вилли Биркемайер. Оазис человечности № 7280/1: Воспоминания немецкого военнопленного. — М.: Текст, 2005. — 301 с.

Вилли Биркемайер юношей попал в плен и, как тысячи его соотечественников, был переправлен в лагерь с принудительными работами по восстановлению разрушенного хозяйства нашей страны. Типичная судьба немецкого военнопленного. Этот взгляд по мере освоения житейского пространства в лагере Мариуполя и на металлургическом заводе трансформируется в осознание военнопленным трагедии, которую пережил Советский Союз, в желание постигнуть душу его народа. Тем более что среди простых людей, измученных, ожесточённых, Вилли обнаруживал такие качества, как сострадание, желание помочь вчерашним врагам. Истинное открытие бывшего военнопленного — в его искреннем чувстве благодарности и любви, которую он оставил в России и до сих пор летит у себя на родине.

● Поэзия Победы: Антология. — М.: Герои Отечества, 2004. — 1416 с.

Лучшие качества нашего народа — мужество, готовность к самопожертвованию ради общего дела, терпение и гордость за свою страну — проявились в Великой Отечественной войне. В полной мере эти качества представлены в книге «Поэзия Победы» — уникальной по охвату материала антологии стихов о войне. Помимо именитых А. Ахматовой, К. Симонова, И. Уткина, М. Карима, С. Маршак, А. Твардовского, М. Джалиля, Б. Окуджавы, С. Вургуна, Ю. Друниной, С. Гуденко на страницах антологии обрели своё место и почти неизвестные, а также молодые, но талантливые и тонкие поэты, дополнившие своими стихами монументальное полотно Второй мировой войны. Всего же в сборник вошли свыше двух тысяч стихотворений около 600 поэтов более 30 национальностей.

ФРОНТОВИКИ

Наденьте ордена!

В России редко найдёшь семью, которая бы так или иначе не пострадала во время войны 1941–1945 годов, названной позже Великой Отечественной. Одних лишь погибших в ней воинов и мирных жителей насчитывают десятки миллионов (о числе их продолжают спорить). А кто способен сейчас хотя бы представить себе всю меру страданий нашего народа, сосчитать всех раненных на фронте и во время бомбёжек, всех лишившихся крова и последних пожитков, всех скитавшихся, голодавших, обожжённых, больных, умиравших от непосильного труда?..

Наверно, мне повезло, что я со своим ранением дожил до 78 лет. А моя мать умерла от туберкулёза, развившегося от лишений, в 38. Отцу же, отморозившему ноги в народном ополчении под Москвой, впоследствии ампутировали их, но он продолжал учить подрастающее поколение добывать нефть, которая кое-как ещё держит страну на плаву. Сестра моя до сих пор приволакивает ногу из-за инъекции, сделанной ей в антисанитарных условиях во время войны.

Война, развязанная гитлеровцами, не отпускает нас до сих пор. Только историками о ней написаны десятки тысяч книг, воздающих должное полководцам и героям. Но выиграна она всем нашим народом, ликовавшим в мае 45-го, что война, проклятие и воздаяние за грехи наши, кончилась. И всем, кто скажет нашу войну «неизвестной», скажем: «Известна! И ещё как!» Великий Менделеев в начале века написал книгу «К познанию России», в которой предсказал, что только русских в 1950 году будет 350 миллионов, а всё народонаселение СССР тогда составило 180 миллионов. Он не мог предугадать всех войн, революций, голодных лет, репрессий, бездарных правителей. И погибали не худшие, а лучшие. Погублен генофонд России.

Виноваты и ужасы войны. Ради мира мы жертвовали своим благополучием. Помнили, что тому, кто не кормит свою армию, придётся кормить чужую. И получили 60 лет мирной жизни. Но другое дело — как эти годы использовали. Победители живут гораздо хуже, чем побеждённые. Многие поддаты теми властями, что держат народные деньги в чужих банках и заботятся о чужом благополучии, а не о развитии своей страны. Картина получается мрачная. Но радует то, что в нашем народе просматривается стойкое отвращение к междоусобице, кровопролитию по чужой указке и появлению потребности распрямить спину самостоятельно, игнорируя фальшивую демократию, несмотря на тотальное обалванивание человеческой массы телевидением и многотиражной прессой.

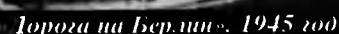
После войны грузин Сталин сказал несколько слов во славу русского народа, героизмом и трудом сделавшего так много для победы над захватчиками. Нынче же само слово «русский» владельцы средств информации стараются отождествить с «шовинизмом» или «фашизмом» — ярлыками, позаимствованными из марксистско-плутотократического лексикона. Но мы, как и всякий другой народ, будем гордиться своей национальной принадлежностью. Язык наш покалечен, но не умер; культура наша забыта, но не вытравлена; дух наш национальный угнетён, но сопротивляется. И в этом залог того, что мы вместе со всеми другими нациями и национальностями России одержим победу над воровством в государственных масштабах, взяточничеством, нарушениями правопорядка, грабежом населения и, наконец, над собственной ленью и недомыслием в выборе тех, кто нами управляет, так же, как наш народ одержал Победу в Великой Отечественной войне.

От всей души поздравляю всех читателей газеты и в первую очередь участников войны с Днём Победы!

ДМИТРИЙ ЖУКОВ

Следующий номер «ЛГ»
поступит к читателям в среду 18 мая.

перепечатка допускается по согласованию с редакцией
ссылка на «ЛГ» обязательна

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

Уже в 1938 году я стал убежденным антисталинистом и критиком советского (коммунистического) социального строя. Но не его врагом. Я стал идеальным, или романтичным (как тогда говорили, настоящим), коммунистом. И рассматривал негативные, на мой тогдашний взгляд, явления советской жизни как отступление от идеального, «подлинного», коммунизма. Считал, что виновато в этом отступлении сталинское руководство и лично Сталин.

Сущность советского коммунизма, роль Сталина в его становлении и в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов я начал понимать много лет спустя после войны. Вся война я прожил как антисталинист и даже как человек, скрывавшийся от органов государственной безопасности. Это, конечно, сыграло роль в том, что я увидел в жизни страны в эти годы.

В том, что скоро будет война, мы, представители моего поколения, были уверены. Нас готовили к ней. Какой она будет на самом деле, мы, конечно, понятия не имели. И не только мы. В 1940 году я служил в кавалерийском полку, в котором был целый эскадрон ребят со средним образованием. В начале 1941 года меня перевели в танковый полк, в котором я оказался единственным со средним образованием. Даже командир полка не имел его. Нашим воображением ещё владел образ Чапаева на лихом коне, с шашкой наголо, в развевающейся бурке... Мы не знали, повторю, какая будет война, и стране пришлось заплатить страшную плату за то, чтобы мы это поняли.

Много говорилось и говорится о неожиданности войны. Мол, прощайлись! Это фактически неверно. Надо различать неожиданность войны и неожиданность именно такого конкретного её начала. А вот факты, которые я переживал сам. Я попал в армию в 1940 году – на Дальний Восток. В конце года армию расформировали. Многие части, в том числе и наш полк, стали перебрасывать на Запад. И нам прямо говорили, что будем воевать с немцами. Когда? Вот будет потеплее, тогда и начнётся. Замечу кстати, что решение о переброске войск с востока на запад вышнее руководство страны во главе со Сталиным приняло уже в 1940 году. Значит, были серьёзные соображения насчёт возможности войны с Японией, и такую возможность, очевидно, исключили: иначе Сталин не пошёл бы на такое ослабление дальневосточной армии. И разведка, включая Зорге, играла тут не столь уж важную роль.

Оказавшись на западной границе, мы уже нисколько не сомневались в неизбежности войны, но, конечно, ещё и не представляли, какой трагедией она окажется. Помню, что мы даже радовались ей: нас учили тому, что война будет с самого начала победоносной, причём на территории врага. Я даже сочинил весёлые стихи, в которых были, например, такие слова:

С нашей мощью сильной
Мы раздавим, как котёнка,
Всех врагов одним ударом.
В их земле дадим им жару.
С иностранной девицей
Полуем за границы.

В середине июня 41-го наши части инспектировал генерал армии (тогда он был в этом чине) Жуков. Я дежурил по казарме, а она была в таком отличном состоянии, что Жуков воскликнул: «Война на носу, а они тут как на курорте устроились!» На другой день нам выдали «смертные медали» – пластмассовые капсулы, в которые мы вставляли бумажки с личными данными, включая группу крови. Вскоре (кажется, 19 июня) мы покинули казармы и вышли на боевые позиции, полностью вооружённые, с танками и бронешашинами, готовые к сражению. Ночь провели в поле, ожидая приказа о наступлении, а утром вернулись в казармы, сдали снаряды на склад, машины поставили в парк, оружие и пулемёты даже законсервировали (смазали толстым слоем смазки). К вечеру командный состав выехал из частей на командные учения.

Как оценивать такую ситуацию? Если вырвать её из контекста большой истории, то напрашивается оценка: глупость, вредительство. Но если принять во внимание вполне обоснованное стремление высшего руководства страны оттянуть начало войны во что бы то ни стало, то это будет выглядеть как одно из трагических событий, избежать которых можно лишь в воображении тех, о ком говорил Шота Руставели: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны».

Поражения начала войны общеизвестны. О них имеется необъятная литература. И оценка их колеблется в довольно узких пределах. Я, однако, позволю себе выйти за эти пределы. Такие поражения были неизбежны. Может быть, поменьше, но всё-таки больше. Надо принимать во внимание общую готовность Германии к войне, опыт, сильнейшее желание воевать и захватить территорию нашей страны. Что бы Советский Союз ни предпринимал в рамках возможности тех лет, он просто не мог бы остановить напор врага такой силы без больших потерь. И ещё неизвестно, как бы развернулась война, если бы немцев удалось остановить в первые же дни и без больших потерь. К тому же немцы просто не начали бы войну именно в такое время и в таком виде, если бы Советский Союз подготавливал именно так, как думают разоблачители сталинской стратегии.

Поражения многому научили советское руководство, командование и вообще большое число советских людей. Произойдёт глубокий перелом в состоянии страны, в организации всех аспектов жизни, в самой действующей армии. Результатом этого перелома явилось то, что немцев все-таки остановили. Они понесли большие потери.

И самая главная победа наша в этот период – провал немецкой идеи блицкрига. Блицкриг был сорван. И это посеяло в самой Германии сомнения в успешном исходе войны, а у многих – даже уверенность в том, что война заведомо проиграна. А кто измерял степень важности этого фактора в войне?

Мы навязали немцам затяжную войну, которая не входила в их расчёты, которую они не умели (во всяком случае, умели хуже, чем мы) вести. К тому же в это время началось стремительное вооружение нашей армии новейшим оружием и обновленные командного состава.

Я сам был в числе десятков, если не сотен, тысяч молодых людей со средним и

высшим образованием, которых отозвали из фронтовых частей в авиационные, танковые, артиллерийские и другие училища. Я попал в авиационную школу, где начал карьеру лётчика с устаревших истребителей И-15 и И-16. Вскоре их сняли с вооружения. А я переучился на штурмовик Ил-2 – лучший штурмовик Второй мировой войны.

Обращаю внимание на факт, характеризующий потенциал советской социальной системы. Немцы и наши союзники с какой техникой начали войну, с такой её и закончили. Тот прогресс, какой имел место у них во время войны, на её ходе существенным образом не сказался. Мы же в труднейших условиях войны совершили беспрецедентный скачок, имея к концу войны самую эффективную военную технику, сыгравшую роль уже в этой войне.

ЗА СОВЕТСКУЮ РОДИНУ!

Н о самым поразительным в потерях начала войны было то, что они не переживались в стране (как на фронтах, так и в тылу) трагически. Никакая другая страна не выдержала бы такие потери, а Советский Союз выдержал, выдержал как эпизод в войне, страшный эпизод, но выдержал.

Я сам был свидетелем событий начала войны. Видел и сам попадал в ситуации, которые вполне достаточны были для создания психологии катастрофы. Но я не замечал ничего подобного в моём окружении даже тогда, когда погибали массы людей, а боевые части складывали оружие.

Александр ЗИНОВЬЕВ

Есть война юбилейная. И есть война будничная. Последняя – это повседневная жизнь миллионов людей в течение многих лет. Она протекает по тем же социальным законам, что и в мирное время. Эти законы в ней проявляются даже обобщённые и порою острее, чем в мирное время.

В том, что показывается, пишется и говорится о войне 1941–1945 годов нашей страны с Германией, этот аспект её либо игнорируется вообще, либо затрагивается как нечто мимолётное и незначительное, либо изображается как проявление неких пороков коммунизма и сталинизма.

Советских людей, которые стремились уклониться от фронта и от смертельной опасности на фронте, было гораздо больше, чем добровольно рвался на фронт, если даже мог вполне законно избежать его. Если бы во время войны предложили на фронт опустел бы в считанные дни. Но усматривать в этом отсутствие патриотизма точно так же лишено смысла. Тут действуют совсем другие механизмы человеческого поведения в трудных ситуациях.

Для большинства людей (а это были прежде всего молодые), отправлявшихся на тот фронт, на котором убивали, главным в их психологическом состоянии было состояние отупения, а бы сказал, окаменелости, какое бывает у приговорённых к смерти. Они и были таковыми на самом деле. Все остальное чувства, которые раздувают в пропаганде и в литературе, заглушаются. В те годы это было чем-то само собой разумеющимся.

Я в моём нелегальном творчестве отмечал в связи с другими темами. Вот, например, описание одной ситуации.

Мокрый снег белит окопы.
Был в лицо. Глаза слепил.
Сытый лектор в полубудке
О грядущую речь вопил.
Он на подвиги и жертвы
Битый час нас вдохновлял.
По бумажке называя,
Кто героизм проявлял.
Лектор кончил. И уехал.
Командир сказал: «Пора».
Кто-то вырвался смачно,
Кто-то записал «ура!»
Что положено, мы взяли,
Смертью навших всех зарыли.
Залегли под мокрым снегом,
В ожидании застыли.

Или вот отрывок из рассказа моего соседа по нарам на гауптвахте, куда я попал за рапорт с просьбой отпустить из училища обратно в часть на фронт, в рассказчик, тоже побывавший на фронте, попал за самовольную отлучку, которую истолковали как дезертирство.

На морозе спозаранку
Пальцы сжмётся с портняжкой.
Жди, пока придёт черёд,
И в вагон запустят взвод.
Жрать захочется до восточ,
Спать-бродить и жать чего-то,
Зная твёрдо: мы теперь
Компенсация потерь.
Поезд, коль нас с тобой
Разнесёт снаряд до бою.
Нет – так вырвётся с вагоном,
Сунут в рыло три патрона.
И пойдёт опять мур...
В бой за Родину! Ура!...
Разулясь же на воле,
Серый треп на мёрзлом поле.
Если ж чудом уцелеем,
Даже толком не успеем
Концерт перепарировать,
Всё заставят повторить.

Одним словом, для большинства россиян слово «фронт» в те годы означало муки, раны и смерть. Навно думать, будто патриотизм и преданность идеям коммунизма могли переписать ощущение этой страшной реальности.

Часто приходится слышать и читать, будто тот или иной вестер прощёл войну с

первого до последнего дня. Это воспринимается так, будто эти люди всё время участвовали в боях. На самом деле тут смешивают различные явления – непосредственное участие в боевых действиях, а в большинстве случаев – формальное пребывание на фронте. Что такое фронт? Полюс в несколько сотен километров – до 500 – считался фронтом. И далеко не все люди, считавшиеся фронтовиками, участвовали в опасных для жизни боях.

У нас в авиационном полку было более трёхсот человек. Из них лишь 42 были лётчики и 42 – воздушные стрелки, участвовавшие в смертельно опасных боях. Остальные жили в прекрасных по тем годам условиях, «как на курорте», награждались орденами и медалями и числились фронтовиками. А сколько народу было в интендантских частях, в штабах всех уровней, в политотделах, в органах государственной безопасности, для других – как праздничный героизм.

ОБЫКНОВЕННЫЙ ГЕРОИЗМ

П онятия патриотизма в применении к нам было лишено смысла. Действительно миллионы совершали героические поступки. В большинстве случаев – в силу неизбежности, часто – как добровольно. Но патриотизм тут, повторяю, ни при чём.

Доброволец, два шага вперёд!
Ну а мы поагачем даде.
Пусть потом кто-нибудь сойдёт,
Что тебя, как и всех, прижудали.
Доброволец, два шага вперёд!
Всё равно годы в вечность канут.
Пусть потом кто-нибудь сойдёт,
Что ты был, как и все, обманут.
Я шагаю два шага вперёд.
Жизнь – не праздник, а полбрани.
Что угодно потомок пусть врёт.
Я ж предвидел всё это заране.

Есть война юбилейная. И есть война будничная. Последняя – это повседневная жизнь миллионов людей в течение многих лет. Она протекает по тем же социальным законам, что и в мирное время. Эти законы в ней проявляются даже обобщённые и порою острее, чем в мирное время.

В том, что показывается, пишется и говорится о войне 1941–1945 годов нашей страны с Германией, этот аспект её либо игнорируется вообще, либо затрагивается как нечто мимолётное и незначительное, либо изображается как проявление неких пороков коммунизма и сталинизма.

Советских людей, которые стремились уклониться от фронта и от смертельной опасности на фронте, было гораздо больше, чем добровольно рвался на фронт, если даже мог вполне законно избежать его. Если бы во время войны предложили на фронт опустел бы в считанные дни. Но усматривать в этом отсутствие патриотизма точно так же лишено смысла. Тут действуют совсем другие механизмы человеческого поведения в трудных ситуациях.

Для большинства людей (а это были прежде всего молодые), отправлявшихся на тот фронт, на котором убивали, главным в их психологическом состоянии было состояние отупения, а бы сказал, окаменелости, какое бывает у приговорённых к смерти. Они и были таковыми на самом деле. Все остальное чувства, которые раздувают в пропаганде и в литературе, заглушаются. В те годы это было чем-то само собой разумеющимся.

Я в моём нелегальном творчестве отмечал в связи с другими темами. Вот, например, описание одной ситуации.

Мокрый снег белит окопы.
Был в лицо. Глаза слепил.
Сытый лектор в полубудке
О грядущую речь вопил.
Он на подвиги и жертвы
Битый час нас вдохновлял.
По бумажке называя,
Кто героизм проявлял.
Лектор кончил. И уехал.
Командир сказал: «Пора».
Кто-то вырвался смачно,
Кто-то записал «ура!»
Что положено, мы взяли,
Смертью навших всех зарыли.
Залегли под мокрым снегом,
В ожидании застыли.

Или вот отрывок из рассказа моего соседа по нарам на гауптвахте, куда я попал за рапорт с просьбой отпустить из училища обратно в часть на фронт, в рассказчик, тоже побывавший на фронте, попал за самовольную отлучку, которую истолковали как дезертирство.

На морозе спозаранку
Пальцы сжмётся с портняжкой.
Жди, пока придёт черёд,
И в вагон запустят взвод.
Жрать захочется до восточ,
Спать-бродить и жать чего-то,
Зная твёрдо: мы теперь
Компенсация потерь.
Поезд, коль нас с тобой
Разнесёт снаряд до бою.
Нет – так вырвётся с вагоном,
Сунут в рыло три патрона.
И пойдёт опять мур...
В бой за Родину! Ура!...
Разулясь же на воле,
Серый треп на мёрзлом поле.
Если ж чудом уцелеем,
Даже толком не успеем
Концерт перепарировать,
Всё заставят повторить.

Одним словом, для большинства россиян слово «фронт» в те годы означало муки, раны и смерть. Навно думать, будто патриотизм и преданность идеям коммунизма могли переписать ощущение этой страшной реальности.

Часто приходится слышать и читать, будто тот или иной вестер прощёл войну с

первого до последнего дня. Это воспринимается так, будто эти люди всё время участвовали в боях. На самом деле тут смешивают различные явления – непосредственное участие в боевых действиях, а в большинстве случаев – формальное пребывание на фронте. Что такое фронт? Полюс в несколько сотен километров – до 500 – считался фронтом. И далеко не все люди, считавшиеся фронтовиками, участвовали в опасных для жизни боях.

У нас в авиационном полку было более трёхсот человек. Из них лишь 42 были лётчики и 42 – воздушные стрелки, участвовавшие в смертельно опасных боях. Остальные жили в прекрасных по тем годам условиях, «как на курорте», награждались орденами и медалями и числились фронтовиками. А сколько народу было в интендантских частях, в штабах всех уровней, в политотделах, в органах государственной безопасности, для других – как праздничный героизм.

В нашем полку из тех, кто не летал, погиб лишь один механик. И как! Немцы уже отступали. Аэродром для полка находился очень близко от передовой. Пока лётчики улетали на задание, немцы захватили аэродром. Все наземные лица полка бежали, замешкался лишь этот механик. Он сидел в нужнике и не успел натянуть штаны. Немцы захватили его и утопили там же, в нужнике.

На самом деле большинство непосредственных участников боев погибло или было ранено в первом же бою. Какая-то часть выживала и участвовала ещё в нескольких боях. Но таких было в процентном отношении не так уж много.

А сколько людей погибло, не сделав ни одного выстрела и даже не увидев врага, сосчитать невозможно. Я всё это говорю не для того, чтобы что-то разоблачить или как-то унизить тех, кто так или иначе участвовал в войне, и тем самым умалить её

масштабы. Наоборот, именно потому, что моя жизнь тогда проходила в этой страшной, жестокой, порой нелепой и достойной насмешки будничной войне, эта война выглядит для меня неизмеримо грандиознее, чем в её юбилейный юбилей.

«НАПЛОЙ НА НАГРАДЫ»

В ойна – это награды, звания, чины. Война 1941–1945 годов породила на этот счёт беспрецедентную эпидемию. Конечно, многие получали награды заслуженно, но далеко не все. И далеко не всегда адекватно поступкам. В таком океане наград было бы наивно рассчитывать на абсолютную справедливость. В наградной оргии, как ни в чём другом, с неумолимой силой проявились объективные социальные законы, в том числе – закон распределения благ в соответствии с социальным статусом граждан.

Например, командир нашего полка стал Героем Советского Союза не за боевые вылеты (их у него для этого было слишком мало), а за то, что в конце войны организовал 105 самолёто-вылетов в один день: мы летали по два, а некоторые – по три раза. Это был рекорд по армии. Никто не был сбит.

Высокие награды получили все штабные чины и политработники, а также насмешки будничной войны, эта война выглядит для меня неизмеримо грандиознее, чем в её юбилейный юбилей.

«НАПЛОЙ НА НАГРАДЫ»

В ойна – это награды, звания, чины. Война 1941–1945 годов породила на этот счёт беспрецедентную эпидемию. Конечно, многие получали награды заслуженно, но далеко не все. И далеко не всегда адекватно поступкам. В таком океане наград было бы наивно рассчитывать на абсолютную справедливость. В наградной оргии, как ни в чём другом, с неумолимой силой проявились объективные социальные законы, в том числе – закон распределения благ в соответствии с социальным статусом граждан.

Например, командир нашего полка стал Героем Советского Союза не за боевые вылеты (их у него для этого было слишком мало), а за то, что в конце войны организовал 105 самолёто-вылетов в один день: мы летали по два, а некоторые – по три раза. Это был рекорд по армии. Никто не был сбит.

Высокие награды получили все штабные чины и политработники, а также насмешки будничной войны, эта война выглядит для меня неизмеримо грандиознее, чем в её юбилейный юбилей.

«НАПЛОЙ НА НАГРАДЫ»

В ойна – это награды, звания, чины. Война 1941–1945 годов породила на этот счёт беспрецедентную эпидемию. Конечно, многие получали награды заслуженно, но далеко не все. И далеко не всегда адекватно поступкам. В таком океане наград было бы наивно рассчитывать на абсолютную справедливость. В наградной оргии, как ни в чём другом, с неумолимой силой проявились объективные социальные законы, в том числе – закон распределения благ в соответствии с социальным статусом граждан.

Например, командир нашего полка стал Героем Советского Союза не за боевые вылеты (их у него для этого было слишком мало), а за то, что в конце войны организовал 105 самолёто-вылетов в один день: мы летали по два, а некоторые – по три раза. Это был рекорд по армии. Никто не был сбит.

Высокие награды получили все штабные чины и политработники, а также насмешки будничной войны, эта война выглядит для меня неизмеримо грандиознее, чем в её юбилейный юбилей.

Часто приходится слышать и читать, будто тот или иной вестер прощёл войну с

первого до последнего дня. Это воспринимается так, будто эти люди всё время участвовали в боях. На самом деле тут смешивают различные явления – непосредственное участие в боевых действиях, а в большинстве случаев – формальное пребывание на фронте. Что такое фронт? Полюс в несколько сотен километров – до 500 – считался фронтом. И далеко не все люди, считавшиеся фронтовиками, участвовали в опасных для жизни боях.

У нас в авиационном полку было более трёхсот человек. Из них лишь 42 были лётчики и 42 – воздушные стрелки, участвовавшие в смертельно опасных боях. Остальные жили в прекрасных по тем годам условиях, «как на курорте», награждались орденами и медалями и числились фронтовиками. А сколько народу было в интендантских частях, в штабах всех уровней, в политотделах, в органах государственной безопасности, для других – как праздничный героизм.

В нашем полку из тех, кто не летал, погиб лишь один механик. И как! Немцы уже отступали. Аэродром для полка находился очень близко от передовой. Пока лётчики улетали на задание, немцы захватили аэродром. Все наземные лица полка бежали, замешкался лишь этот механик. Он сидел в нужнике и не успел натянуть штаны. Немцы захватили его и утопили там же, в нужнике.

На самом деле большинство непосредственных участников боев погибло или было ранено в первом же бою. Какая-то часть выживала и участвовала ещё в нескольких боях. Но таких было в процентном отношении не так уж много.

А сколько людей погибло, не сделав ни одного выстрела и даже не увидев врага, сосчитать невозможно. Я всё это говорю не для того, чтобы что-то разоблачить или как-то унизить тех, кто так или иначе участвовал в войне, и тем самым умалить её

масштабы. Наоборот, именно потому, что моя жизнь тогда проходила в этой страшной, жестокой, порой нелепой и достойной насмешки будничной войне, эта война выглядит для меня неизмеримо грандиознее, чем в её юбилейный юбилей.

«НАПЛОЙ НА НАГРАДЫ»

В ойна – это награды, звания, чины. Война 1941–1945 годов породила на этот счёт беспрецедентную эпидемию. Конечно, многие получали награды заслуженно, но далеко не все. И далеко не всегда адекватно поступкам. В таком океане наград было бы наивно рассчитывать на абсолютную справедливость. В наградной оргии, как ни в чём другом, с неумолимой силой проявились объективные социальные законы, в том числе – закон распределения благ в соответствии с социальным статусом граждан.

Например, командир нашего полка стал Героем Советского Союза не за боевые вылеты (их у него для этого было слишком мало), а за то, что в конце войны организовал 105 самолёто-вылетов в один день: мы летали по два, а некоторые – по три раза. Это был рекорд по армии. Никто не был сбит.

«НАПЛОЙ НА НАГРАДЫ»

В ойна – это награды, звания, чины. Война 1941–1945 годов породила на этот счёт беспрецедентную эпидемию. Конечно, многие получали награды заслуженно, но далеко не все. И далеко не всегда адекватно поступкам. В таком океане наград было бы наивно рассчитывать на абсолютную справедливость. В наградной оргии, как ни в чём другом, с неумолимой силой проявились объективные социальные законы, в том числе – закон распределения благ в соответствии с социальным статусом граждан.

Например, командир нашего полка стал Героем Советского Союза не за боевые вылеты (их у него для этого было слишком мало), а за то, что в конце войны организовал 105 самолёто-вылетов в один день: мы летали по два, а некоторые – по три раза. Это был рекорд по армии. Никто не был сбит.

Высокие награды получили все штабные чины и политработники, а также насмешки будничной войны, эта война выглядит для меня неизмеримо грандиознее, чем в её юбилейный юбилей.

«НАПЛОЙ НА НАГРАДЫ»

В ойна – это награды, звания, чины. Война 1941–1945 годов породила на этот счёт беспрецедентную эпидемию. Конечно, многие получали награды заслуженно, но далеко не все. И далеко не всегда адекватно поступкам. В таком океане наград было бы наивно рассчитывать на абсолютную справедливость. В наградной оргии, как ни в чём другом, с неумолимой силой проявились объективные социальные законы, в том числе – закон распределения благ в соответствии с социальным статусом граждан.

Например, командир нашего полка стал Героем Советского Союза не за боевые вылеты (их у него для этого было слишком мало), а за то, что в конце войны организовал 105 самолёто-вылетов в один день: мы летали по два, а некоторые – по три раза. Это был рекорд по армии. Никто не был сбит.

Высокие награды получили все штабные чины и политработники, а также насмешки будничной войны, эта война выглядит для меня неизмеримо грандиознее, чем в её юбилейный юбилей.

Часто приходится слышать и читать, будто тот или иной вестер прощёл войну с

первого до последнего дня. Это воспринимается так, будто эти люди всё время участвовали в боях. На самом деле тут смешивают различные явления – непосредственное участие в боевых действиях, а в большинстве случаев – формальное пребывание на фронте. Что такое фронт? Полюс в несколько сотен километров – до 500 – считался фронтом. И далеко не все люди, считавшиеся фронтовиками, участвовали в опасных для жизни боях.

У нас в авиационном полку было более трёхсот человек. Из них лишь 42 были лётчики и 42 – воздушные стрелки, участвовавшие в смертельно опасных боях. Остальные жили в прекрасных по тем годам условиях, «как на курорте», награждались орденами и медалями и числились фронтовиками. А сколько народу было в интендантских частях, в штабах всех уровней, в политотделах, в органах государственной безопасности, для других – как праздничный героизм.

В нашем полку из тех, кто не летал, погиб лишь один механик. И как! Немцы уже отступали. Аэродром для полка находился очень близко от передовой. Пока лётчики улетали на задание, немцы захватили аэродром. Все наземные лица полка бежали, замешкался лишь этот механик. Он сидел в нужнике и не успел натянуть штаны. Немцы захватили его и утопили там же, в нужнике.

На самом деле большинство непосредственных участников боев погибло или было ранено в первом же бою. Какая-то часть выживала и участвовала ещё в нескольких боях. Но таких было в процентном отношении не так уж много.

А сколько людей погибло, не сделав ни одного выстрела и даже не увидев врага, сосчитать невозможно. Я всё это говорю не для того, чтобы что-то разоблачить или как-то унизить тех, кто так или иначе участвовал в войне, и тем самым умалить её

масштабы. Наоборот, именно потому, что моя жизнь тогда проходила в этой страшной, жестокой, порой нелепой и достойной насмешки будничной войне, эта война выглядит для меня неизмеримо грандиознее, чем в её юбилейный юбилей.

«НАПЛОЙ НА НАГРАДЫ»

В ойна – это награды, звания, чины. Война 1941–1945 годов породила на этот счёт беспрецедентную эпидемию. Конечно, многие получали награды заслуженно, но далеко не все. И далеко не всегда адекватно поступкам. В таком океане наград было бы наивно рассчитывать на абсолютную справедливость. В наградной оргии, как ни в чём другом, с неумолимой силой проявились объективные социальные законы, в том числе – закон распределения благ в соответствии с социальным статусом граждан.

Например, командир нашего полка стал Героем Советского Союза не за боевые вылеты (их у него для этого было слишком мало), а за то, что в конце войны организовал 105 самолёто-вылетов в один день: мы летали по два, а некоторые – по три раза. Это был рекорд по армии. Никто не был сбит.

Высокие награды получили все штабные чины и политработники, а также насмешки будничной войны, эта война выглядит для меня неизмеримо грандиознее, чем в её юбилейный юбилей.

«НАПЛОЙ НА НАГРАДЫ»

В ойна – это награды, звания, чины. Война 1941–1945 годов породила на этот счёт беспрецедентную эпидемию. Конечно, многие получали награды заслуженно, но далеко не все. И далеко не всегда адекватно поступкам. В таком океане наград было бы наивно рассчитывать на абсолютную справедливость. В наградной оргии, как ни в чём другом, с неумолимой силой проявились объективные социальные законы, в том числе – закон распределения благ в соответствии с социальным статусом граждан.

Например, командир нашего полка стал Героем Советского Союза не за боевые вылеты (их у него для этого было слишком мало), а за то, что в конце войны организовал 105 самолёто-вылетов в один день: мы летали по два, а некоторые – по три раза. Это был рекорд по армии. Никто не был сбит.

Высокие награды получили все штабные чины и политработники, а также насмешки будничной войны, эта война выглядит для меня неизмеримо грандиознее, чем в её юбилейный юбилей.

«НАПЛОЙ НА НАГРАДЫ»

В ойна – это награды, звания, чины. Война 1941–1945 годов породила на этот счёт беспрецедентную эпидемию. Конечно, многие получали награды заслуженно, но далеко не все. И далеко не всегда адекватно поступкам. В таком океане наград было бы наивно рассчитывать на абсолютную справедливость. В наградной оргии, как ни в чём другом, с неумолимой силой проявились объективные социальные законы, в том числе – закон распределения благ в соответствии с социальным статусом граждан.

Например, командир нашего полка стал Героем Советского Союза не за боевые вылеты (их у него для этого было слишком мало), а за то, что в конце войны организовал 105 самолёто-вылетов в один день: мы летали по два, а некоторые – по три раза. Это был рекорд по армии. Никто не был сбит.

Высокие награды получили все штабные чины и политработники, а также насмешки будничной войны, эта война выглядит для меня неизмеримо грандиознее, чем в её юбилейный юбилей.

Часто приходится слышать и читать, будто тот или иной вестер прощёл войну с

Часто приходится слышать и читать, будто тот или иной вестер прощёл войну с

ЭПОХА

Шолохов считал себя военным писателем. Действительно, роман «Тихий Дон» свидетельствует об основательном изучении военного дела: достоверные в романе батальные картины Первой мировой и Гражданской, впечатляют окопная правда, армейский быт.

Шолохов был мобилизован в начале войны — демобилизован в декабре 1945-го. Служил четыре с половиной года военным корреспондентом Советского информационного бюро газеты «Правда» и «Красной звезды». Участвовал в боях на Смоленском направлении, на Южном, Юго-Западном, в Сталинградской битве. Во время изгнания немцев находился на Западном направлении в составе Третьего Украинского фронта.

После войны, осенью 1945 года, ездил на места боёв — в Сталинград, станицу Клетскую. Позже консультировал С. Бондарчука и его коллектив, создавший фильм «Они сражались за Родину», указывал места для съёмок.

В феврале 1942-го, когда писатель летел на бомбардировщике в Куйбышев (теперь Самара) по вызову Совинформбюро, само-

Венёром к началу фронтовой службы. Вместе с А. Федейным, А. Бусыгиным, Е. Петровым Шолохов — на Смоленском направлении. Передовая. Тяжёлые бои. Стратегическая нацеленность противника — на Москву. Шолохов беседует с солдатами, офицерами, военнопленными. Собирает материал. Пишет очерки — «На Смоленском направлении», «Гнусность», «Военнопленные».

Писатель внимательно всматривается в лица «завоевателей» Европы. Самый опасный, кто сидит на допросе, — двадцатилетний безусый танкист, не названный по имени. Член национал-социалистической партии. Отвечает заученными фразами о превосходстве германской нации, о неполноценности всех других. «Ни одной своей мысли, никаких духовных интересов». На вопрос о Шекспире, Пушкине отвечает: «Не знаю и знать не хочу».

Анализируя положение, которое складывалось в германском нашествии, прислушивается писатель к голосам тех пленных, с кем можно вести диалог.

Так, один из солдат, крестьянин «дрожащий от волнения голосом» сказал: «За два месяца войны я вдоволь насмотрелся на произведённые нашей армией разрушения,

Шолохов показал их «благородство», «человеческое». Рассказ читали в окопах. Верили тому, что сказано в нём, а не пропагандистским изобретениям Геббельса.

Весной 1942-го группа Клейста провела оборону Южного фронта и вошла в тыл войскам Юго-Западного. 23 мая 6-я, 57-я части войск 9-й армии попали в окружение. Немцы заняли многие города Донбасса, Харьков. Войска Южного фронта сдали Ростов.

С большими потерями нашими были сданы Керчь и Севастополь.

Официально мы признавали неулачу. Шолохов, исходя из того, что война учит говорить правду, назвал случившееся катастрофой.

2 октября Шолохов телеграфировал редактору «Красной звезды» Д. Ортенбергу: «Здоров. Прошу санкционировать совместную поездку Карповым Сталинградский фронт».

Шолохов хотя и не выздоровел после контузии, стремился принять участие в битве, и это ему удалось.

Роман «Они сражались за Родину» задуман в ноябре 1941 года. Следующий — 42-й — сложился для писателя и его семьи крайне тяжело. И это сказалось на осуществлении замысла.

Он сражался за Родину

на брошенные поля, на всё, что сделали мы, идя на восток... Я лишился сна, и кусок не идёт мне в горло. Знаю, что так же разорили почти всю Европу и что за всё это Германии придётся нести страшную расплату. Не только этой собаке — Гитлеру, но всему германскому народу придётся расплачиваться. Вы понимаете меня?

Он отворачивается и долго молчит. Что ж, это хорошее раздумье («Военнопленные»).

В 1941 году написаны ещё очерки: «По пути к фронту» — опубликовано впервые в «Известиях» 17 октября 1965. «Первые встречи» — «Литературная газета», 20 апреля 1965. «Люди Красной Армии» — журнал «Советский воин», 1965, № 8.

Они стали известны читателям только через 24 года.

«По пути к фронту» — о Смоленщине, тех местах, где побывали оккупанты, о муках населения. «Серые от зноя и пепла, измученные лица и воспалённые глаза детей и женщин, и я невольно думал: «Как же тупой дьявольской ненавистью ко всему живому надо обладать, чтобы стирать с земли мирные города и деревни, без смысла, без цели подвергать всё разрушению и огню» — свидетельствует автор как очевидец вандализма.

В очерке «Первые встречи» — о настроениях в армии оккупантов. «Немецкая пехота, — делится своими наблюдениями наш пожилой генерал, — стала значительно хуже по сравнению с тысячами девятист четырёхлетним голодом... Неврастными стали немецкие солдаты. По письмам к родным, по дневникам видно, да и с пленными говорили — противно становилось. Плачут, дрожат, пресмыкаются...»

В очерке «Люди Красной Армии» разведчик Белов завершает беседу с Шолоховым словами: «Я так думаю, товарищ писатель, что побьём мы немцев. Трудно наш народ рассердить, а пока он ещё не рассердился по-настоящему, а вот как только рассердится как полагается, худо будет немцам. Зададим мы их!»

Эти три очерка предназначались для публикации за рубежом и осели в архиве Совинформбюро. Только к двадцатилетию Победы они дошли до бывших фронтовиков и всех других читателей нашей страны.

Как художник Шолохов в 42-м ориентируется на прозу более сложной структуры — рассказ и роман. В первую годовщину войны «Правда» печатает его «Науку ненависти». Эпиграфом стали слова из первомайского приказа Наркома Обороны И.В. Сталина: «Нельзя победить врага, не научившись ненавидеть его всеми силами души». Отсюда и название рассказа.

Шолохов поведал всю правду о крайнем озверении фашистов, планомерно выполнявших план истребительной войны.

«Наука ненависти» появилась в то время, когда немцы считали Россию побеждённой, забрасывали передовую листовками — сдавайтесь... Штык в землю... Мы спасём вас... Напоим, накормим, раненых вылечим...

Дважды пришлось эвакуировать семью.

лёт потерпел аварию. Шолохов тяжело контужен — сотрясение мозга, смещение внутренних органов, особенно грудной клетки. Это сказалось на состоянии здоровья (микроинсульт в 1964 году). По распоряжению Сталина Шолохов получил отпуск.

Однако следом приключилась другая беда. Вот как описал её сам Шолохов 14 июля в письме из Николаевска с Волги, где находился в эвакуации его семья, члену Государственного Комитета Обороны по оснащению Красной Армии боевой техникой: «Дорогой т. Маленков! Плохо получилось у меня с отпуском. Вместе с семьёй 6/VII приехал я в свою Вишенскую, а 8 утром налетели немцы, первый раз — 4 самолёта, второй раз — 12, и сбросили около 100 фугасных и осколочных бомб, пробили улицы из всех пулемётов, зажгли станицу и улетели. Во время второго налёта на моих глазах была убита моя мать. Бомба попала во двор, разрушила дворцовые постройки и страшно изуродовала крупными осколками мать. Я лежал в траве около дома и видел, как немцы пикировали и сыпали бомбы, у меня ничего не было, кроме нагана, а самолёты, летевшие на высоте 400—500 метров, пикировали, снижались до двухсот метров, и по ним отлично можно было бить из винтовки или автомата. У меня было тяжело на сердце, когда я лежал в этой проклятой траве, безоружный и бесильный хоть как-то обороняться от обнаглелых врагов. Они делали всё, что хотели: звено пикировало прямо на мой дом, бросило несколько бомб залпом и били из пулемётов. В станице много жертв...

Бои сейчас идут около моих родных мест. Я снова еду туда, а сейчас обращаюсь к вам, дорогой т. Маленков, с просьбой: мне не надо харчей, проживу так, пришлите, пожалуйста, ППШ с патронами. Эта штука сейчас гораздо нужнее всех витаминов, которые я привёз из Москвы...

Очень горько и тяжело у меня на душе после смерти матери».

В «Письме американским друзьям» Шолохов перечислил другие утраты: «Мой дом, библиотека сожжены немецкими минами. Я потерял уже многих друзей — и по профессии, и моих земляков — на фронте. Долгое время я был в разлуке с семьёй. Мой сын тяжело заболел за это время, и я не имел возможности помочь семье».

Дважды пришлось эвакуировать семью.

Дважды пришлось эвакуировать семью.

НА ЗЕМЛЕ...

От Красной Пресни — до Берлина

Михаил ЗЛАТОГОРОВ
(1909 — 1968)

...Дневник был начат в июньский день воскресный. В двенадцать заперли рупора. В тринадцать говорили мы: «Пора!» И всё трамвай к военкомату Пресни.

Так оно и было. Я написал эти стихи на фронте, в блиндаже под Юхновом, зимой 1942 года. Забыл о них. Но сейчас, перебирая архив военных лет, нашёл их на страничке старой записной книжки с пометкой: «Полевая почта 02916-Б».

И память, словно детонируя, выбросила крупницы подробностей. Звонил из партбюро Союза писателей 22 июня 1941 года: «Радио слышали? Вот вам срочное задание. В тринадцать часов в Союзе митинг. Запишите десять фамилий — всех обзвоните...»

Зал в старинном особняке на Воробьевском, 52. Это тот самый зал, где Маяковский читал «Во весь голос», где бушевали литературные дискуссии. Наблюдать отказ, многие стоят в коридорчике между залом и лестницей.

Помню, как перед отправкой на фронт дивизией народного ополчения я снова забегал на Воробьевский, 52. Ещё не кончилась первая половина июля, а в коридорах Союза, где всегда встречалось много писателей, было уже пусто. В большом кабинете — после войны его называли «Фадеевским» — дежурил в тот день Самуил Яковлевич Маршак. Глаза у него были грустнее. Что-то сказал мне ободряюще, крепко пожал руку. И чувствовалось, что недовольно собой: на фронт его не пустили.

Через несколько часов нас, добровольцев, посадили на грузовики и повезли по Минскому шоссе на запад. Переночевали в лесу в Перхушкове. Утром нас построили. Кто имел хоть какую-нибудь военную специальность, был сведён в одну колонну, все остальные — в другую. Я попал во вторую.

Писатели разных поколений: сидящий Юрий Либединский и курчавый Джек Алтаузен, смуглый, лобастый Бела Иллеш и сосредоточенный Пётр Павленко.

Позд Иосиф Уткин сказал: — До сегодняшнего дня мы могли тратить время, силы на литературную драчку. До сегодняшнего дня среди нас были не только красные, но и розовые, и беленькие. Но с сегодняшнего дня все мы — красные. И у всех у нас сейчас одно дело — защищать Родину!

Ещё больше запомнились слова Всеволода Вишневского: — Фашизм найдёт в этой войне свою могилу. Все мы сегодня мобилизованы. Все мы сегодня солдаты. И мы заявляем на весь мир: русские были в Берлине — и русские будут в Берлине!

Кто мог тогда с уверенностью повторить такое пророчество?

Но солдаты стали почти все участники того памятного митинга.

Помню, как перед отправкой на фронт дивизией народного ополчения я снова забегал на Воробьевский, 52.

Ещё не кончилась первая половина июля, а в коридорах Союза, где всегда встречалось много писателей, было уже пусто. В большом кабинете — после войны его называли «Фадеевским» — дежурил в тот день Самуил Яковлевич Маршак. Глаза у него были грустнее. Что-то сказал мне ободряюще, крепко пожал руку. И чувствовалось, что недовольно собой: на фронт его не пустили.

Через несколько часов нас, добровольцев, посадили на грузовики и повезли по Минскому шоссе на запад. Переночевали в лесу в Перхушкове. Утром нас построили. Кто имел хоть какую-нибудь военную специальность, был сведён в одну колонну, все остальные — в другую. Я попал во вторую.

Помню, как перед отправкой на фронт дивизией народного ополчения я снова забегал на Воробьевский, 52.

Ещё не кончилась первая половина июля, а в коридорах Союза, где всегда встречалось много писателей, было уже пусто. В большом кабинете — после войны его называли «Фадеевским» — дежурил в тот день Самуил Яковлевич Маршак. Глаза у него были грустнее. Что-то сказал мне ободряюще, крепко пожал руку. И чувствовалось, что недовольно собой: на фронт его не пустили.

Через несколько часов нас, добровольцев, посадили на грузовики и повезли по Минскому шоссе на запад. Переночевали в лесу в Перхушкове. Утром нас построили. Кто имел хоть какую-нибудь военную специальность, был сведён в одну колонну, все остальные — в другую. Я попал во вторую.

Помню, как перед отправкой на фронт дивизией народного ополчения я снова забегал на Воробьевский, 52.

Ещё не кончилась первая половина июля, а в коридорах Союза, где всегда встречалось много писателей, было уже пусто. В большом кабинете — после войны его называли «Фадеевским» — дежурил в тот день Самуил Яковлевич Маршак. Глаза у него были грустнее. Что-то сказал мне ободряюще, крепко пожал руку. И чувствовалось, что недовольно собой: на фронт его не пустили.

Через несколько часов нас, добровольцев, посадили на грузовики и повезли по Минскому шоссе на запад. Переночевали в лесу в Перхушкове. Утром нас построили. Кто имел хоть какую-нибудь военную специальность, был сведён в одну колонну, все остальные — в другую. Я попал во вторую.

Помню, как перед отправкой на фронт дивизией народного ополчения я снова забегал на Воробьевский, 52.

Ещё не кончилась первая половина июля, а в коридорах Союза, где всегда встречалось много писателей, было уже пусто. В большом кабинете — после войны его называли «Фадеевским» — дежурил в тот день Самуил Яковлевич Маршак. Глаза у него были грустнее. Что-то сказал мне ободряюще, крепко пожал руку. И чувствовалось, что недовольно собой: на фронт его не пустили.

Через несколько часов нас, добровольцев, посадили на грузовики и повезли по Минскому шоссе на запад. Переночевали в лесу в Перхушкове. Утром нас построили. Кто имел хоть какую-нибудь военную специальность, был сведён в одну колонну, все остальные — в другую. Я попал во вторую.

Помню, как перед отправкой на фронт дивизией народного ополчения я снова забегал на Воробьевский, 52.

Ещё не кончилась первая половина июля, а в коридорах Союза, где всегда встречалось много писателей, было уже пусто. В большом кабинете — после войны его называли «Фадеевским» — дежурил в тот день Самуил Яковлевич Маршак. Глаза у него были грустнее. Что-то сказал мне ободряюще, крепко пожал руку. И чувствовалось, что недовольно собой: на фронт его не пустили.

Через несколько часов нас, добровольцев, посадили на грузовики и повезли по Минскому шоссе на запад. Переночевали в лесу в Перхушкове. Утром нас построили. Кто имел хоть какую-нибудь военную специальность, был сведён в одну колонну, все остальные — в другую. Я попал во вторую.

Помню, как перед отправкой на фронт дивизией народного ополчения я снова забегал на Воробьевский, 52.

Ещё не кончилась первая половина июля, а в коридорах Союза, где всегда встречалось много писателей, было уже пусто. В большом кабинете — после войны его называли «Фадеевским» — дежурил в тот день Самуил Яковлевич Маршак. Глаза у него были грустнее. Что-то сказал мне ободряюще, крепко пожал руку. И чувствовалось, что недовольно собой: на фронт его не пустили.

Через несколько часов нас, добровольцев, посадили на грузовики и повезли по Минскому шоссе на запад. Переночевали в лесу в Перхушкове. Утром нас построили. Кто имел хоть какую-нибудь военную специальность, был сведён в одну колонну, все остальные — в другую. Я попал во вторую.

Помню, как перед отправкой на фронт дивизией народного ополчения я снова забегал на Воробьевский, 52.

Ещё не кончилась первая половина июля, а в коридорах Союза, где всегда встречалось много писателей, было уже пусто. В большом кабинете — после войны его называли «Фадеевским» — дежурил в тот день Самуил Яковлевич Маршак. Глаза у него были грустнее. Что-то сказал мне ободряюще, крепко пожал руку. И чувствовалось, что недовольно собой: на фронт его не пустили.

Через несколько часов нас, добровольцев, посадили на грузовики и повезли по Минскому шоссе на запад. Переночевали в лесу в Перхушкове. Утром нас построили. Кто имел хоть какую-нибудь военную специальность, был сведён в одну колонну, все остальные — в другую. Я попал во вторую.

Помню, как перед отправкой на фронт дивизией народного ополчения я снова забегал на Воробьевский, 52.

Ещё не кончилась первая половина июля, а в коридорах Союза, где всегда встречалось много писателей, было уже пусто. В большом кабинете — после войны его называли «Фадеевским» — дежурил в тот день Самуил Яковлевич Маршак. Глаза у него были грустнее. Что-то сказал мне ободряюще, крепко пожал руку. И чувствовалось, что недовольно собой: на фронт его не пустили.

Через несколько часов нас, добровольцев, посадили на грузовики и повезли по Минскому шоссе на запад. Переночевали в лесу в Перхушкове. Утром нас построили. Кто имел хоть какую-нибудь военную специальность, был сведён в одну колонну, все остальные — в другую. Я попал во вторую.

Помню, как перед отправкой на фронт дивизией народного ополчения я снова забегал на Воробьевский, 52.

Ещё не кончилась первая половина июля, а в коридорах Союза, где всегда встречалось много писателей, было уже пусто. В большом кабинете — после войны его называли «Фадеевским» — дежурил в тот день Самуил Яковлевич Маршак. Глаза у него были грустнее. Что-то сказал мне ободряюще, крепко пожал руку. И чувствовалось, что недовольно собой: на фронт его не пустили.

Через несколько часов нас, добровольцев, посадили на грузовики и повезли по Минскому шоссе на запад. Переночевали в лесу в Перхушкове. Утром нас построили. Кто имел хоть какую-нибудь военную специальность, был сведён в одну колонну, все остальные — в другую. Я попал во вторую.

Помню, как перед отправкой на фронт дивизией народного ополчения я снова забегал на Воробьевский, 52.

Ещё не кончилась первая половина июля, а в коридорах Союза, где всегда встречалось много писателей, было уже пусто. В большом кабинете — после войны его называли «Фадеевским» — дежурил в тот день Самуил Яковлевич Маршак. Глаза у него были грустнее. Что-то сказал мне ободряюще, крепко пожал руку. И чувствовалось, что недовольно собой: на фронт его не пустили.

Через несколько часов нас, добровольцев, посадили на грузовики и повезли по Минскому шоссе на запад. Переночевали в лесу в Перхушкове. Утром нас построили. Кто имел хоть какую-нибудь военную специальность, был сведён в одну колонну, все остальные — в другую. Я попал во вторую.

Помню, как перед отправкой на фронт дивизией народного ополчения я снова забегал на Воробьевский, 52.

Ещё не кончилась первая половина июля, а в коридорах Союза, где всегда встречалось много писателей, было уже пусто. В большом кабинете — после войны его называли «Фадеевским» — дежурил в тот день Самуил Яковлевич Маршак. Глаза у него были грустнее. Что-то сказал мне ободряюще, крепко пожал руку. И чувствовалось, что недовольно собой: на фронт его не пустили.

Через несколько часов нас, добровольцев, посадили на грузовики и повезли по Минскому шоссе на запад. Переночевали в лесу в Перхушкове. Утром нас построили. Кто имел хоть какую-нибудь военную специальность, был сведён в одну колонну, все остальные — в другую. Я попал во вторую.

Помню, как перед отправкой на фронт дивизией народного ополчения я снова забегал на Воробьевский, 52.

Ещё не кончилась первая половина июля, а в коридорах Союза, где всегда встречалось много писателей, было уже пусто. В большом кабинете — после войны его называли «Фадеевским» — дежурил в тот день Самуил Яковлевич Маршак. Глаза у него были грустнее. Что-то сказал мне ободряюще, крепко пожал руку. И чувствовалось, что недовольно собой: на фронт его не пустили.

Через несколько часов нас, добровольцев, посадили на грузовики и повезли по Минскому шоссе на запад. Переночевали в лесу в Перхушкове. Утром нас построили. Кто имел хоть какую-нибудь военную специальность, был сведён в одну колонну, все остальные — в другую. Я попал во вторую.

Помню, как перед отправкой на фронт дивизией народного ополчения я снова забегал на Воробьевский, 52.

Ещё не кончилась первая половина июля, а в коридорах Союза, где всегда встречалось много писателей, было уже пусто. В большом кабинете — после войны его называли «Фадеевским» — дежурил в тот день Самуил Яковлевич Маршак. Глаза у него были грустнее. Что-то сказал мне ободряюще, крепко пожал руку. И чувствовалось, что недовольно собой: на фронт его не пустили.

Через несколько часов нас, добровольцев, посадили на грузовики и повезли по Минскому шоссе на запад. Переночевали в лесу в Перхушкове. Утром нас построили. Кто имел хоть какую-нибудь военную специальность, был сведён в одну колонну, все остальные — в другую. Я попал во вторую.

Помню, как перед отправкой на фронт дивизией народного ополчения я снова забегал на Воробьевский, 52.

Ещё не кончилась первая половина июля, а в коридорах Союза, где всегда встречалось много писателей, было уже пусто. В большом кабинете — после войны его называли «Фадеевским» — дежурил в тот день Самуил Яковлевич Маршак. Глаза у него были грустнее. Что-то сказал мне ободряюще, крепко пожал руку. И чувствовалось, что недовольно собой: на фронт его не пустили.

Через несколько часов нас, добровольцев, посадили на грузовики и повезли по Минскому шоссе на запад. Переночевали в лесу в Перхушкове. Утром нас построили. Кто имел хоть какую-нибудь военную специальность, был сведён в одну колонну, все остальные — в другую. Я попал во вторую.

Помню, как перед отправкой на фронт дивизией народного ополчения я снова забегал на Воробьевский, 52.

Ещё не кончилась первая половина июля, а в коридорах Союза, где всегда встречалось много писателей, было уже пусто. В большом кабинете — после войны его называли «Фадеевским» — дежурил в тот день Самуил Яковлевич Маршак. Глаза у него были грустнее. Что-то сказал мне ободряюще, крепко пожал руку. И чувствовалось, что недовольно собой: на фронт его не пустили.

Через несколько часов нас, добровольцев, посадили на грузовики и повезли по Минскому шоссе на запад. Переночевали в лесу в Перхушкове. Утром нас построили. Кто имел хоть какую-нибудь военную специальность, был сведён в одну колонну, все остальные — в другую. Я попал во вторую.

Помню, как перед отправкой на фронт дивизией народного ополчения я снова забегал на Воробьевский, 52.

Ещё не кончилась первая половина июля, а в коридорах Союза, где всегда встречалось много писателей, было уже пусто. В большом кабинете — после войны его называли «Фадеевским» — дежурил в тот день Самуил Яковлевич Маршак. Глаза у него были грустнее. Что-то сказал мне ободряюще, крепко пожал руку. И чувствовалось, что недовольно собой: на фронт его не пустили.

А потом — рытьё окопов, кровь первых боёв, в которые ополченцы вступили необученными, марши по пыльным дорогам, солдатская учёба в лесу у Десны, присяга и гордость того дня, когда получил настоящее оружие.

С ним я не расставался до конца войны.

... Мы на войне душой не зачерствели. Не стал нам чуждым Радости язык. О майские

победные недели, Какой вас позабудет фронтовик?

Свершилось. Замолчали пушки. И поздравляя с самым лучшим днём, Мы за победу поднимали кружки

С забористым профсоюзным коньяком! Строчки эти — тоже из фронтового блокнота, одного из последних. Где я его заполнял? В Германии, «правде Берлина», в районе города Виттенберга, где вышла на Эльбу наша сорок девятая армия 2-го Белорусского фронта.

В истинной немецкой деревне с электрифицированными коровниками и с каменными домами, со стен которых уже соскребли надписи вроде: «Наша вера — Адольф Гитлер», но где мы роскошно спали на пуховых перинах, расположилась редакция армейской газеты «За Родину!».

С часу на час мы ждали сообщения о капитуляции немецко-фашистской армии.

Все немного нервничали. И наш редактор — строговатый подполковник Алексей Михайлович Стручков, бывший редактор «Алтайской правды». И «первое перо» редакции — неуго-

монный острослов Михаил Кузнецов, тот самый, после войны — автор солидных монографий о жанре романа. И белорусский поэт Кастусь Киреевко, писавший в Германии стихи о родных вёсках. И художник Соломон Теленгатор с его тихим голосом и задумчивыми глазами за толстыми стёклами очков.

Настала ночь. Мы прикорнули, не раздеваясь.

Часов в пять утра нас разбудил вестовой.

— Срочно к редактору! — Есть сообщение? — Ничего не знаю, — сдипломатичал вестовой, но лицо его сияло. Мы всё поняли и без слов, едва переступили порог редакторской комнаты. Гранки, рукописи были отодвинуты в сторону. А посреди стола торжественно возвышались бутылки.

— С Победой, товарищи! Как счастливы мы, те, кто пережил не только двадцать второе июня 1941 года, но и Девятое мая 1945-го!

День первый и день последний. Ты помнишь, как мы шли перед боем, и то, как нас встречали в городах, в которые входили мы с тобою

В кирзовых запылённых сапогах Среди бойцов, в передовых рядах. Вернём Отчизне снова дни покоя, Вернёмся сами в старый милый дом, Но будет нам дорожее вдвое, второе

Всё то простое, сильное, святое, Что дружило солдатскою душой. 1965 год

Публикация Ларисы ЗЛАТОГОРОВОЙ

...И НА МОРЕ

Исключён из списков

Алексей Лебедев (1912 — 1941) — подводник-балтиец, один из самых ярких поэтов-маринистов советской литературы. Николай Тихонов высоко ценил его стихи. Родился Алексей 1 августа 1912 года в Суздале. Окончив техникум в Иваново, по комсомольской путёвке был направлен на флот, на Балтику. После электромонтерской школы стал одним из лучших радистов флота, а после окончания срочной службы был зачислен в Высшее военно-морское училище им. М.В. Фрунзе. В первые же годы военных действий Красного Балтийского флота против белофиннов подал рапорт с просьбой послать его на действующий флот. Первая книга стихов Алексея Лебедева «Кронштадт» вышла в 1939 году. А в 1940-м, после окончания училища, ему было присвоено звание лейтенанта. Лебедеву предложили работу в штабе. Молодой офицер отказался, и был назначен командиром группы рулевых подводного минного заградителя Л-2. В том же году вышла его вторая книга стихов «Лирика моря». Алексей Лебедев погиб в возрасте 28 лет 14 ноября 1941 года. Л-2 была послана на боевое задание и полорвалась на минном поле у острова Кери. После войны вышло несколько сборников поэты: «Огненный вымпел», «Морская слава», «Родному флоту», «Путь на моря», «Морская слава» и другие.

В Суздале, Иваново и Кронштадте есть улицы, названные в честь Алексея Лебедева. В Суздале ему установлен памятник. Но свидетельство высшей почти для моряка-поэта — это корабли, названные его именем. Есть такой корабль на Балтийском флоте — базовый тральщик Алексей Лебе

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

Судебный процесс в Нюрнберге (Германия) в 1945–1946 гг. над главными нацистскими преступниками, который проводился в соответствии с соглашением между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции и Уставом Международного Военного Трибунала.

На скамье подсудимых оказалась почти вся правящая верхушка нацистской Германии — ведущие нацистские политики, промышленники, военачальники, дипломаты, идеологи, которым вменялись в вину преступления, совершенные гитлеровским режимом.

Трибуналу надлежало рассмотреть вопрос о признании организаций гитлеровского режима — руководящих составов нацистской партии, СС, СА (штурмовые отряды) у гестапо и других — преступными.

В основу обвинительного заключения была положена концепция общего плана, или заговора, составленного подсудимыми в целях достижения мирового господства путём совершения преступлений против мира, военных преступлений или преступлений против человечества.

В ходе Нюрнбергского процесса было проведено 403 открытых заседания трибунала. Обвинение основывалось в основном

на германских документах. Обвиняемые и их адвокаты стремились доказать юридическую несостоятельность Устава трибунала, взваливали всю ответственность за совершенные преступления на Гитлера, СС и гестапо, выдвигали встречные обвинения в адрес стран — учредителей трибунала.

В конце сентября — начале октября 1946-го трибунал огласил приговор, в котором были проанализированы принципы международного права, аргументы сторон, дана картина преступной деятельности целого государства на протяжении более чем 12 лет его существования.

Главный обвинитель

С 20 по 22 июня 1945 года Военная коллегия Верховного Суда СССР под председательством В.В. Ульриха рассматривала дело по обвинению генерала Л.Б. Окуличко и других лиц (всего 15 человек), руководивших польским подпольем, действовавшим в тылу Красной Армии. В результате террористической деятельности так называемой Армии Крайовой только с июля 1944 года по май 1945 года было убито и ранено около 500 советских солдат и офицеров. Основным обвинителем был утверждён Главный военный прокурор Н.П. Афанасьев. Когда при обсуждении этого дела у Сталина возник вопрос о том, кто будет помогать обвинителю, Афанасьев назвал прокурора Украинской ССР Р.А. Руденко. Сталин с ним согласился.

Роман Андреевич сумел показать себя на этом процессе хорошим оратором, красноречивым, настойчивым, находчивым. Поэтому нельзя считать случайным тот факт, что при определении Главного государственного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе выбор пал именно на него. И надо сказать, что прокурор Украинской ССР блестяще справился с поставленной перед ним задачей. Участие Руденко в Нюрнбергском процессе — ярчайшая страница его биографии. Молодого советского прокурора (ему было тогда 38 лет) узнал и услышал весь мир.

Конечно, Руденко, хоть и был Главным обвинителем от СССР, тем не менее не являлся главным «дирижёром» всей советской команды. Здесь первостепенную роль играли Вышинский и его комиссия (своеобразный исполнительный орган «Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по организации и руководству Нюрнбергским процессом»), в которую входили Прокурор Союза ССР К.П. Горшенин, Председатель Верховного Суда СССР И.Т. Голяков, нарком юстиции СССР Н.М. Рычков и три заместителя Л.П. Бери: В.С. Абакумов, Б.З. Кобулов и В.Н. Меркулов. Со своей стороны А.Я. Вышинский все ключевые вопросы, возникавшие в течение процесса, согласовывал со Сталиным.

почему органы госбезопасности «стрепались» на него «липу». Как писал Шейнин, Лихачёв с первых же дней появления в Нюрнберге «вызвал к себе отрицательное отношение со стороны всего коллектива, так как был крайне заносчив, абсолютно бездельничал, пьянствовал и развратничал». «И вот дошло до того, — писал Шейнин, — что Лихачёв вовлёк в сожительство молоденькую переводчицу, проживавшую в одном с нами доме, и она забеременела. Лихачёв принудил её сделать аборт и, найдя немца-врача, заставил его произвести операцию, прошедшую неудачно».

По словам Шейнина, эта «голововина» переполнила чашу терпения. Руденко сообщил о поведении Лихачёва Прокурору Союза Горшенину, приславшему в Нюрнберг. Последний поставил об этом в известность ЦК партии и начальника Смерша Абакумова. Лихачёв был отозван из Нюрнберга и посажен на десять суток под арест, а вместо него прислали полковника Сюганова.

Вскоре после того, как в Лондоне 8 августа 1945 года в торжественной обстановке произошло подписание соглашения между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции о судебном преследовании и наказании главных военных преступников и учреждении Международного Военного Трибунала, начал свою работу Комитет главных обвинителей по подготовке процесса. От Советского Союза в него вошёл Роман Андреевич Руденко, от США — Роберт Джессон, от Великобритании — генеральный прокурор сэр Хартли Шоукросс, от Франции — Ф. де Ментон (позже на процессе его заменил Шампеты де Рио). Перед Комитетом главных обвинителей стояла сложная задача. Надо было в кратчайшие сроки составить список главных военных преступников, определить правила процедуры, или регламент процесса, подготовить обвинительное заключение (первоначальный набросок его, представляющий собой краткую формулу обвинения, был составлен английской делегацией ещё в начале июля 1945 года). Кроме это-

Выступает Главный обвинитель от СССР Роман Андреевич РУДЕНКО

говорило, что у Руденко нет плана проведения процесса и что он якобы не готов к этому процессу и т.п. Но эти высказывания никак не повлияли на положение Главного обвинителя от Советского Союза. Роман Андреевич лично докладывал Сталину о ходе процесса. На вопрос вождя о недостатках в подготовке процесса открыто сказал, что недостатков много, материалы разбросаны и т.п. По его словам, Сталин был очень возмущён этим и сразу же принял меры к тому, чтобы исправить положение.

Вступительную речь Р.А. Руденко произнёс 8 февраля 1946 года. Он начал её так: «Господа судьи! Я приступаю к своей вступительной речи, завершающей первые выступления главных обвинителей на данном процессе, с полным сознанием его величайшего исторического значения».

Впервые в истории человечества правосудие сталкивается с преступлениями такого масштаба, вызывающими такие тяжёлые последствия.

Впервые перед судом предстали преступники, заведшие целым государством и самою государством сделавшие орудием своих чудовищных преступлений.

Впервые, наконец, в лице подсудимых мы судим не только их самих, но и преступные учреждения и организации, ими созданные, человеконенавистнические «теории» и «идеи», ими распространяемые в целях осуществления давно задуманных преступлений против мира и человечества...

Характерную деталь привёл в своей книге Полторак. Он писал: «Геринг и его коллеги по скамье с самого начала прибегали к весьма примитивному приёму, для того чтобы посеять рознь между обвинителями четырёх держав. Держась в рамках судебного приличия в отношении с западными обвинителями, они сразу же пытались подвергнуть обструкции советского прокурора».

Как только Руденко начал свою вступительную речь, Геринг и Гесс демонстративно сняли наушники. Но продолжалось это недолго. Стоило же только Руденко назвать имя Геринга, как у рейхсмаршала сдали нервы, он быстро опять надел наушники и через минуту-две уже стал что-то записывать».

В речи Руденко сказал о значении Нюрнбергского процесса и его правовых особенностях, раскрыл идеологию подготовки агрессивных войн, чётко и ясно изложил состав основных военных преступлений фашистской Германии: массовые убийства мирных граждан, истязания и убийства военнопленных, угон людей в рабство, разрушение городов и сёл, разграбление общественной и частной собственности, разрушение и разграбление культурных ценностей, монастырей, церквей и других учреждений религиозного культа. В заключение он сказал о преступлениях против человечества. Закончил он эту речь словами: «Во имя священной памяти миллионов невинных жертв фашистского террора, во имя укрепления мира во всём мире, во имя безопасности народов в будущем — мы предъявляем подсудимым полный и справедливый счёт. Это — счёт всего человечества, счёт воли и совести свободных народов. Пусть же свершится правосудие!»

«У каждого прокурора в Нюрнберге был свой стиль допроса. Стиль Руденко отличался наступательностью, и, выражаясь спортивным языком, козлят у него всегда превалировал над козлауном», — вспоминал Полторак.

По его же словам, когда Руденко закончил допрос Риббентропа, Геринг с жалостью посмотрел на бывшего германского министра иностранных дел и лаконично подвёл итог: «С Риббентропом покончено. Он теперь морально сломан».

«С не меньшим основанием, — пишет Полторак, — Риббентроп мог сказать то же самое и в отношении Германа Геринга, когда он возвращался на своё место после допроса, проведённого советским обвинителем. В Нюрнберге в то время распространился слух, будто Руденко, возмущённый в ходе допроса наглостью Геринга, выхватил пистолет и застрелил нациста № 2. 10 апреля 1946 года об этом сообщила даже американская газета «Старз энд страйпс».

Такая дичайшая газетная утка многих из нас буквально ошеломила. Но меня тотчас же успокоил один американский журналист: «Собственно, чего вы так возмущаетесь, майор? Какая разница, как было покончено с Герингом? Как будто ему легче пришлось от пулемётной очереди убийственных вопросов вашего обвинителя...»

В своих воспоминаниях о Нюрнбергском процессе, с которыми часто выступал Роман Андреевич, он любил приводить один интересный эпизод. Когда во время процесса заходила речь о нападении на СССР, подсудимые и их защитники пытались объяснить это «превентивными мерами», то

Руденко ошелолил всех своим ответом: «Я думаю, ваша честь, минут пять, не больше, фельдмаршал Паулюс находится в апартаментах советской делегации в Нюрнберге». По словам самого Руденко, появление Паулюса в зале заседания трибунала произвело эффект «разорвавшейся бомбы».

Даже в советской делегации работала на это время мало кто знал, что допрос Паулюса был «срезжисирован» Сталиным, которому Вышинский доложил, что суд не принял в виде доказательства показания фельдмаршала, данные им вне стен трибунала.

Вся советская делегация работала на Нюрнбергском процессе с огромным напряжением, выполняя колоссальный объём, были найдены и представлены суду сотни непроверенных улик виновности всех без исключения подсудимых.

Заключительную речь Главный обвинитель от СССР Руденко произнёс два дня, 29 и 30 июля 1946 года. Конечно, эта речь — коллективное творчество советской делегации, но произнёс её Роман Андреевич мастерски. Об этом единодушно говорят все очевидцы событий тех лет. Он начал её словами: «Господин председатель! Господа судьи! Мы подводим итоги судебного следствия в отношении главных немецких военных преступников. В течение девяти месяцев самому тщательному, детальному исследованию были подвергнуты все обстоятельства дела, все доказательства, представленные Суду обвинением и защитой. Ни одно деяние, вменяемое в вину подсудимым, не осталось без проверки, не было упущено при рассмотрении данного дела. Впервые в истории преступники против человечества несут ответственность за свои преступления перед Международным Уголовным Судом, впервые народы судят тех, кто обильно залил кровью обширнейшие пространства земли, кто уничтожил миллионы невинных людей, разрушил культурные ценности, ввел в систему убийства, истязания, истребления стариков, женщин и детей, — я заявляю дикую претензию на господство над миром и верю: мир в пучину невиданных бедствий...»

Руденко подробно остановился на правовых вопросах процесса, детально и скрупулёзно обосновал виновность каждого из подсудимых: Геринга, Гесса, Бормана (судимого заочно), Риббентропа, Кейтеля и других. В конце речи он сказал: «Выступая на этом Суде от имени народов Союза Советских Социалистических Республик, я считаю полностью доказанными все обвинения, предъявленные подсудимым. И во имя подлинной любви к человечеству, которой исполнены народы, приносящие в жертву для спасения мира, свободы и культуры, во имя памяти миллио-

Р.А. Руденко с представителями советской интеллигенции на Нюрнбергском процессе

нов невинных людей, загубленных бандой преступников, представших перед Судом передового человечества, во имя счастья и мирного труда будущих поколений — я призываю Суд вынести всем без исключения подсудимым высшую меру наказания — смертную казнь. Такой приговор будет встречен с удовлетворением всем передовым человечеством».

30 августа 1946 года Руденко произнёс заключительную речь по делу преступных организаций: правительства фашистской Германии, генерального штаба и высшего командования германских вооружённых сил, руководящего состава германской национальной-социалистической партии (гестапо), охранной тайной полиции (СС), службы безопасности (СД), штурмовых отрядов (СА). В конце речи Руденко сказал: «Обвинение выполнено свой долг перед Высшим Судом, перед светлой памятью невинных жертв, перед совестью народов, перед своей собственной совестью».

Да свершится же над фашистскими палачами Суд Народов — Суд справедливый и суровый!»

Александр ЗВЯГИНЦЕВ
Снимки из архива автора

Идёт заседание Нюрнбергского трибунала

В Нюрнберге наряду со следственной группой, подчинённой Руденко (её возглавлял Г.Н. Александров), работала и специальная следственная «бригада» Главного управления контрразведки Смерш, которой руководил М.Т. Лихачёв. Взаимоотношения этих двух групп нельзя было назвать тёплыми. Между ними постоянно возникали трения. Ещё до начала процесса контрразведчики сообщили в Москву о том, что следователь Александров во время предварительных допросов «слабо прорицует» антисоветские выпады обвиняемых, в частности Геринга, Йодля, Кейтеля и других. Со своей стороны Александров докладывал Прокурору СССР Горшенину о том, что «никаких выпадов» со стороны обвиняемых ни против СССР, ни против него лично не было, и просил «пресечь различного рода кривотолки в связи с проводимыми допросами обвиняемых, так как это создаёт нервозную обстановку и мешает дальнейшей работе».

Но случались и другие «нюансы», которые создавали ненужные проблемы в довольно слаженно работавшем коллективе советской делегации. Об одном из таких эпизодов поведал бывший помощник Главного обвинителя от СССР Л.Р. Шейнин. Сделал он это в собственноручных показаниях, данных им в тюрьме. Кстати, по его мнению, это была одна из причин,

го, задачей комитета являлась разработка всех подготовительных мероприятий, связанных со сбором и систематизацией доказательств (только советское обвинение представило 520 документов), допросом свидетелей и подсудимых, установлением порядка вступления и заключительных речей и т.п.

18 октября 1945 года в Берлине состоялось открытие распорядительного заседания Международного Военного Трибунала под председательством советского судьи И.Т. Никитченко. После того как члены трибунала поочерёдно приняли присягу, председательствующий сказал, что главная цель заседания — принять обвинительное заключение. Главный обвинитель от СССР Руденко вручил суду русский текст обвинительного заключения, а обвинители от США, Великобритании и Франции передали тексты соответственно на английский и французский языках. Все главные обвинители сказали, что текст обвинительного заключения принят Комитетом обвинителей единогласно. По решению суда обвинительное заключение подлежало опубликованию одновременно в Лондоне, Москве и Вашингтоне. В тот же день оно было вручено всем подсудимым.

Открытие Нюрнбергского процесса состоялось 20 ноября 1945 года в отсутствие Главного обвинителя от СССР Р.А. Руденко, руководителем советской делегации Горшенин и председателем комиссии Вышинский, вылетевшие из Москвы без запаса времени.

опоздали, так как самолёт из-за плохой погоды приземлился в Праге, откуда советская делегация добиралась до Нюрнберга на машине.

Известно, что Вышинский ещё до начала процесса нервничал, так как постоянно «вылезали» неприятные для советской стороны вопросы. В частности, подвергалась сомнению тезис о «внезапности» нападения Германии на СССР, на чём делала упор советская сторона, поэтому на заседании комиссии он

Так выглядел скамья подсудимых в наши дни

Поэзия подвига и весны

Виталий КОРЖИКОВ

НАШ ЛИЦЕЙ

В те дни, когда в садах Лицей
Галдели фрейцы: «Любе Шпрее!» —
Учитель наш — комбат, металл —
Нам Гёте, «Фауста», читал.

Седой, израненный, в шинели,
Читал, чтоб не осатанели
Мы, прикипевшие к боям,
К бинтам, к краям расстрельных ям.

И потому, когда их, битых,
В плен гнали жалких и немых,
Мы — сквозь презрение и тоску
Им хлеб совали по куску.

И оттого, косясь на танки,
Они, весь жалкий их парад,
Вдору прибавляли к слову «данке»
Давно забытое «камрад».

Была война, когда мы были дети.
И думал я, читая о войне:

Майор привёз мальчишку на лафете,
Меня братишка вынес на спине...

Да, было так! Такие были дети,
Что каждый думал: это — обо мне —
И на санях по льду, и на лафете,
И на солдатской раненой спине...

ОСВОБОЖДЕНИЕ

И топтали, и лапали,
И хапали, и лапали —
О, небо в Мелитополе
Сине, чем в Неаполе!

Вся эта свора шарилла,
Расстреливала ворохом,
Когда вокруг ударило
Российским жарким порохом.

Их выбили и вымели,
Их чёрный прах развеяли,
Слезами небо вымыли,
Поля зерном засеяли.

Зазелено во поле,
Зазолотилось на поле —
И было в Мелитополе
Сине, чем в Неаполе...

УРОК

Память праведного урока —
Нас он жёг, как благая весть:
«Есть у русиц полк Бобрюка,
Есть Бобрюк и отава есть!»

Кони ждут рокового срока —
Дрожат от грозного «не замей...»
Вот посыплются клич Бобрюка:
«Полк, вперёд!» — И держись Мамай!

Ах, учителька-ленинградка,
Вся — блокадная бирюза,

На заплатке дрожит заплатка,
Но Победой горят глаза.

Парты — амёрали, на нас ушанки.
Над страной сталинградский дым.
Немец в пекло бросает танки,
Но твердит она: «Победем!»

Всех нас вера усыновила,
Всё в нас спрятано до поры:
Кликнет Родина — мы за вилы,
Скажет «братцы!» — и в топоры!

Как ни крутит тебя морока,
Горь — досыта, бед — не счастье,
Есть минуты, как полк Бобрюка,
Есть у каждого — полк Бобрюка...

ВОДА

Как зарубина помнится это:
Сорок первый, начало беды.
Зной — и голос из грозного лета:
— Пацаны, принесите воды!

И откуда берутся силёнки —
Сквозь пылу, бензиновый чад
Тащишь ведра от самой колонки —
Позвонки от старанья трещат!

И следил притихающий город,
Как теснились к ведру мужики,
Как вода проливалась за ворот,
Как цетинились их кадыки.

Скатки — с илеч, перекур у порога...
Но какая опасная высь!

Вдору отчаянный выкрик: «Тревога!»
И короткий приказ: — «Становись!»

Счетверённо сомкнутся колонны —
Вверх стволы — зашагают риды...
А откуда-то вновь воспалённо:
— Эй, хлопчатая, тащите воды!

И бегу я по данному следу —
Век бегу той суровой страдой,
Где, мальцы, мы поили Победу,
В грозный год мы поили Победу
Самой щедрой и верной водой.

ИМЕНА

Ушла война. Но боль — не забывается.
Война-война, как вечная волна.
И сердце вдру от боли надрынается:
О имена! Родные имена!

Кураном время высится над павшими,
Всё выше этот скорбный пьедестал.
Как много вас! Я с именами вашими
И сам давно седым кураном стал.

Пойду по полю — вы, родные, по полю.
Бои, бои — откуда ни взгляни.
Вы имена оставили на тополе —
Как высь ушли, как разрослись они!

Ах, молодые имена на тополе,
Как вы пронзили солнечную высь!
Из дота, из траншеи, из окопа ли —
Как вы росли, как в сердце разрослись!

Прижмусь порой к собрату тёмнокорому,
Хмельной от поминального вина,
И чувствую: я — тополь, по которому,
Я тоже старый тополь, по которому
Восходят к солнцу ваши имена.

Валерий СИНЁВ

участник Великой Отечественной войны

Мне и сейчас ещё ночами снится,
Как падают —
Сначала на колени,
Чтоб выстрелить, пока не лягут тени
Слепыми пятками на глазницы,
А после — навзничь.
Серые снежинки,
Как будто обвалившиеся в пепле,
Над лицами кружатся, отлетают
И всё смелее на строгие морщинки
Ложатся.
А потом уж и не тают,
Не тают до весны...
Такие сны.

А вот недавно доктор мне сказал,
Что если в мире что-нибудь
случится,

Ко мне уже свято не постучится,
Что я своё уже отведал,
Что мне уже довольно быть в ответе
За всё на свете.
Доктор так сказал.

У дока баки — лешим на двоих,
В ушат срослись ушцы с бородащей,
Как в камышах, в них, верно,
Ветры свищут,
Отплев в чубах товарищей моих...

Вы пробовали спорить с докторами?
Подобными?
У них кардиограммы, у них рентген,
А я прилеп к стене,
А у меня — одно больное сердце,
Израненное, бьётся на экране,
А за меня — одно больное сердце,
И в сердце — те,
Что падают во сне.

ЧУВСТВО
ДОЛГА

Оно в глазах картиною знакомой,
Где ветра свист над старым пустырем,
И уголок прижатым военкома,
К столбу прижатый мокрым костылем,
И мысли вслух:
— Ну вот, уже и Пете...
Петрухе срок... —
И чмокнут костыли.
И, помахав листком, подсушит ветер
Печать земли.
Печать самой земли...

Михаил НАЙДИЧ

(1924–2005),
участник Великой
Отечественной войны

Я в сорок пятом
встал на костыли,
земля тогда казалась
мне иною:
война гремела, но уже вдали,
а Сталинград
был где-то за спиной.
Мне так хотелось
рассказать о том,
как дым снарядный
в заводских клубился.
Но карандаш был нем...
Еще на нём
не закончился —
стреляная гильза.
Мои однопольчане шли в огне —
суровые и верные присяге.

И может, кто-то вспомнил
обо мне,
расписываясь твёрдо
на Рейхстаге.
...И в камыши
ударил река,
откликнулась ей сразу роца
птичья,
когда внезапно
первая строка
пробилась сквозь моё
косноязычье.

ЭПИЛОГ

Получилось,
как замыслил,
нетерпенье лёгкий зуд —
в эшелонах многочисленных
нас уже с войны везут.

И, глотая вёрсты быстрые,
поезда вливаются в роже,
и — ни грохота,
ни выстрела;
мне не верится.
И всё ж!..

А вокруг — поля,
леса мои,
золотой хлебоз разлив;
небо... птичья песня...
И самое
удивительное:
ЖИВ!

ЕКАТЕРИНБУРГ

Геннадий КАРЧЕНСКИЙ (Москва)

Владимир СПЕКТОР

В Освенциме сегодня тишина.
Не слышно стонов, выстрелов,
проклятий,
Хотя почти забытая война
Не выпускает
из своих объятий

И тех, кто обживает небеса,
И тех, кто на земле
ещё покуда.
А память воскрешает голоса,
Которые доносятся
ОТТУДА.

Они звучат сегодня и во мне,
Живые строки Нового Завета,
Где жизнь сгорает
в бешеном огне.
За что и почему?
— И нет ответа.

За что и почему?
— Ответа нет.
Да и вопросы
забываются с годами.
И, кажется,
чернеет белый свет —
Под бормотанье:
«Было, но не с нами...»

Потомки Геббельса
как сорная трава,
Напялившая забывок маски.

И кругом —
от неправды голова
В Нью-Йорке, и в Варшаве,
и в Луанске.

Мол, там совсем не мучили,
не жгли
В тех лагерях,
где жизнь страшнее смерти.
Но стоишь доноситься
из-под земли,
Вы слышите:
«Не верьте им, не верьте...»

В Освенциме сегодня тишина,
И не седеют волосы убитых.
Приходят и уходят времена
И, проявляясь
на могильных плитах,
Бессмертны имена познавших ад,
И в небеса ушедших без ответа.
За что и почему? Они молчат.
И словно Божий суд,
молчанье это.

ЛУГАНСК (Украина)

Юрий КОБРИН

И снова май. И — взрыв листов!
Пришурь, как прежде, глаз.
Эх, отступали до Москвы
в истории не раз...
Где Тохтамыш, Наполеон
и Гитлера где след?
Пускай хула летит вдогон
и ласточкой — навстречу.
Пришли такие времена,
кто крут, того и кнут!
Какая в том твоя вина,
что ты остался тут?
Что для себя завоевал?
Горбатился в цеху...

И проклинал лесоповал,
и тех, кто наверху.
В шкафу тускнеют ордена,
томится кровь твоя...
Но если бы не та война
Отечест-вен-на-я,
где б жил «беретный» патриот?
(Коль жил бы!) За «зер гут»
в донских степях стерёг бы скот
иль рабствовал он тут?
Надень за ратный труд металл,
верны слова твои:
«Коль бы Москвы не отстоял,
то не было б Литвы...»

ВИЛЬНЮС (Литва)

САЛАСПИЛСКИЙ
МЕТРОНОМ

Не мажорное скерцо
Кровь мою горячит.
Слышу: детское сердце
Равномерно стучит.

Двадцать вспыхив в минуту
Бьют в лицо тишину...
Их продленье я буду,
Если вспомню войну.

Свинцовые тучи Саласпилса.
Мой разум мёртвым страхом сжат.
Я с настоящим разлучился,
Катапультирован назад.
Мне кажется: я в сорок третий.
Не сплю в бараке для детей...
Рыдает полуночный ветер,
И слёзы каплют с ветвей
Сосны, застывшей у барака,
И мальчик с сотней солнц в душе
Кричит во сне — Мам... Дай барашку! —
А мать расстреляна уже.
И слава Богу... Ей не видеть,
Как завтра сын её умрёт.
Потом умрут Ян, Броня, Витя,
Потом наступит мой черёд.

Стреляет дождь шрапнелью серой,
И воздух как польный на вкус...
Кипит свинец, как в тигле, в сердце,
И я свинцовым становлюсь.

Дети,
Размещённые в отдельных
От взрослых бараках.
Спят и ходят с бирками.
На каждой —
Имя, фамилия, год рождения.
Бирки, бирки, бирки —
Из жести и фанеры —
На тонких журавлиных шеях.
Но разве могут быть долговечны
Бирки на пятилетних-десятилетних
Живых, хотя и разумных
Существах?
Дети их теряют,
И невозможно определить,

Кто когда родился.
Кого как зовут.
И у кого какая фамилия.
Русский становится чехом,
Польяк — белорусом,
Латыш — австрийцем,
Еврей — словаком.

Крутовершение,
Взаимообмен,
Единение наций...
Детский
Интернационал.

В полночь
Один из врачей лагеря
Пишет письмом жене:
«Милая, как я люблю
Наших детей!
Здоровы ли они?
Прорезались ли зубы у Ганса?
Переболела ли корью Мария?
Как учится Анна?..»
А с утра
Врач берёт в руки шприц
И весь день
Не выпускает его из рук,
С трудом находя детские вены:
Раненым солдатам рейха
Нужна кровь!
Много крови!
...Полночь.
Рука каллиграфическим почерком
Опять выводит:
«Милая,
Как я люблю
Наших детей!..»
Шприц врезается в вену,
Дышит кровью главврач...
Гипократ, Авиценна,
Детский
Слышите
плач?

Рисует
сын
Мир в чёрно-белом цвете.
Рисует
чёрным
Солнце на рассвете
И снова чёрным —

Пастуха.
В руках — свирель.
И глаз коровы
Антрацитом светит.
Рисует
сын
Мир в чёрно-белом цвете.

А дети Саласпилса
Ветками сосновыми
Светило рисовали на песке,
Пропитанном
Их собственной кровью.

И солнце
получалось
Красным-красным.

КУКУШКА

Когда куковала кукушка,
Ещё не расстрелянные матери и отцы
Начинали считать,
Сколько времени
Осталось жить их детям.
Но счёт вёлся
Не на годы — на дни.
— Раз, два, три, четыре, пять...
А если кукушка умохла,
Едва начал куковать —
Из-за выстрелов охраны лагеря,
Сколько сердец
Вздригивало и замирало
Одновременно!
И только одна мысль,
Один вопрос
Овладевали всеми:
— Неужели уже умер (сын)?
— Неужели уже умерла (дочка)?
— Неужели?
— Неужели?
— Неужели?

В сегодняшнем Саласпилсе
Можно было бы открыть
Выставку конфет:
Их приносят сюда
Взрослые и дети.
За день получается
Несколько десятков килограммов!
А за месяц?
А за год?

Вениамин БУТЕНКО

Конфеты, конфеты, конфеты —
Из Москвы и Ташкента,
Из Владивостока и Киева,
Из Баку и Норильска,
Из Праги и Варшавы,
Из Рима, Парижа и Лондона —
В разноцветных
(красных, жёлтых,
голубых, зелёных...)

Фантиках.
Из них можно было бы
Выложить радугу,
И она бы достала
До тех высот
мирового пространства,
Где сейчас обитают
Души погибших детей.

Над Саласпилсом
Солнце появилось...
И вот мальчишка
Лет пяти-шести
За бабочкой бежит!
И вдруг
забилась
Она,
цветная вся,
В его горсти!
На волю рвётся!
А глупец смеётся!

Мальчишку,
Саласпилс,
За смех его
Прости...

Владимир БАШУНОВ

(1946 – 2005)

ПАМЯТЬ

За семью печатями,
За семью печатями,
Возле самой беды,
Ниже красной звезды,
На траве между плит,
Опершись на гранит,

То ли облако спит?
То ли воин сидит?

Он сидит — не вздохнёт.
Мать глядит — не всплакнёт.
Тень на тень набегит —
Глубь земли задрожит.

То ли сон?
То ли Бог?
То ли милый сынок?

БАРНАУЛ

Сергей РЫБАЛКО

В ГОРЯЧЕВОДСКОМ ГОСПИТАЛЕ

Вспоминаю: в мае было это.
Накануне праздника страны
Пригласили в госпиталь поэтов
К ветеранам памятной войны.

В тёмно-серых будничных халатах,
Без парадной формы и наград
Собрались бывалые солдаты,
Знавшие и Курск, и Сталинград.

И когда в притихшем клубном зале
Прочитал стихи я про отца,
Я заметил: слёзы задрожали
На глазах у юного бойца...

Сердце билось резко, учащённо.
Я стоял под взглядом
стольких глаз.
А в сторонке, с палочкой,
смущённый
Хлопал мне отец в последний раз.

ЕССЕНТУКИ,
Ставропольский край

От украинских хат – к далёкому Берлину...

Говорят, что детство всегда остаётся с человеком, как бы ни складывались наши земные пути. Я благодарен судьбе за то, что подарила мне возможность испытать себя в сложнейших жизненных обстоятельствах. И когда принимал участие в создании ракетного щита Советского Союза, что в значительной мере определило глобальную растоянную мир в мире, и когда возглавлял восстановление в Европе молодого Украинского государства. Но только с годами начинаешь осознавать, что каждый раз готовность взять на себя всё новую и новую нелёгкую ношу была предопределена тем, что ты идёшь по жизни как сын солдата, не вернувшегося с войны, что выходишь из вечно горького сиротства, удерживая отцовскую нравственную высоту, ибо тебе надлежит оставить след на земле не только за себя, но и за него, шагнувшего из родного дома, как и миллионы его соотечественников, в бесмертие.

Всё больше убеждаюсь в том, что это призвание сына солдата, не вернувшегося из боя, никогда не покидало меня. Оно давало силы в трудные минуты и в часы раздумий, формировало такие фундаментальные основополагающие христианские ценности, как долг, совесть, память, чувство благодарности и милосердия...

Долгие годы я не знал, где похоронен мой батко, и только усилиями украинских следователей была найдена его могила на Новгородской земле. Это было время, когда я уже был президентом Украины, на плечи которого легло тяжелейшее бремя создания современного независимого украинского государства.

Государственный человек, как известно, не принадлежит себе. По роду деятельности он принаделен в неординарные обстоятельства, где никого не интересуют его личные

эмоции, чувства. Официальные хроники фиксировали президента и внука у обретенной солдатской могилы, но они не могли передать и сотой доли тех глубоких переживаний и размышлений, которые рождал этот духовный диалог сына и павшего на зном поле отца.

Прежде всего это были мысли о подвиге простого солдата, простого человека, оторванного жестокой войной от естественного крестьянского и фабричного труда. Смотрите, сегодня самая продуктивная и успешная в мире европейская цивилизация гордится своими достижениями, но было бы грешно забывать, что сверхцивилизованную Европу от коричневой чумы спас не кто иной, как простой советский солдат, каким был и мой отец. Собственной жизнью заплатили они за нас, за наш сегодняшний день.

О прошедшей войне сказано и написано немало, тома и фолианты художественных и исторических сочинений, исследований. Но кто осмелится сказать, что уже всё сказано? Чему свидетелем и книга, которая придёт к читателю 60 лет спустя после победного мая 45-го, которая появится в свет к нынешнему великому юбилею Победы.

Знаменательно, что её автор – один из вершинителей Победы, Александр Александрович Сизоненко, боец Красной армии, был тяжело ранен в 45-м в самом Берлине, как только завершился его победный путь дорогами войны. Когда я ещё в рукописи прочитал его эпопею «Советский солдат», то заново пережил всю боль, все страдания и величественную глубину подвига простого человека, землекопа и рабочего, учёного и мыслителя, вынужденного взяться за оружие, чтобы защитить свою Родину.

Мой искреннее впечатление от прочитанного таково: равной эпопеи о Великой Отечественной, Второй мировой войне – такой, как трилогия «Советский солдат», до сих пор ещё

не было написано ни в советское, ни в постсоветское время. Замечательно, что это произведение в Слово состоялось, и рождено оно в УКРАИНЕ!

Я, читатель, сын солдата...

Признаюсь честно, когда я читал и перечитывал роман М.А. Шолохова «Тихий Дон», то до боли шло сердце от сострадания к испытаниям Григория Мелехова, который всё-таки не сломался, выдержал, нашёл дорогу к Мишке, к своему дитя.

Также честно признаюсь, что когда я читал, а теперь перечитываю трилогию нашего выдающегося украинского писателя А.А. Сизоненко «Советский солдат», то испытывал и испытываю чувство гордости, понимая, что с появлением на свет трилогии «Советский солдат» Украина отныне и в военной тематике великая литературная держава, прокладывающая новые литературные и исторические пути. Сила НАРОДА, которая так правдиво, честно и ёмко описана в «Советском солдате», непобедима и неколебима, как непобедима и неколебима дружба великих народов Украины и России, всех народов, победивших фашизм.

Дай бог всем нам и многоуважаемому Александру Александровичу Сизоненко богатырского здоровья, силы духа во имя нашей любимой Украины.

Леонид КУЧМА

Сизоненко А.А.
Советский солдат:
Трилогия...
Москва – Киев: Издательство
«Библиотека журнала «Дніпро»
и «Московский писатель»,
2005. – 840 с. ил.
(Серия «Библиотека
В.С. Черномырдина»)

приказов Верховного главнокомандующего и срывающийся голос простого политрука в предсмертном крике «Вперёд!», слитное, сорванное солдатское «Ура!», и тихое материнское благословение сына у потемневшего от времени порога отчего дома перед отправкой на фронт, и по-детски радостная размашистая надпись русского воина на стене и колоннах Рейхстага: «Мы – в Берлине!»

Несколько лет назад известный писатель, участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза Владимир Васильевич Карпов написал: «Дай бог всем нам дожить до 60-летия Победы: и ветеранам-фронтовикам от радостного до маршала, и нашим детям, и нашим внукам. И чтобы XXI век не повторил ни одного из трагических безумий завершившегося столетия».

К сожалению, время уносит не только людей, свидетелей эпохи, бывших фронтовиков, их отцов и матерей, жен, сынов, детей, но и нередко вместе с ними стремительно уходит

Русский Солдат – спасший мир

Для меня, сына фронтовика, русского солдата Степана Марковича, Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, это прежде всего Победа солдата великой советской державы – будь то украинец, белорус, татарин или возлюбленный на Рейхстаге Знамя Победы русский воин Егоров и грузин Кантария...

Если задуматься, эта Победа стала утверждением победного слова, в котором сосредоточены наиболее значительные смыслы истории жизни большой страны и каждого отдельно взятого человека. В победном слове звучит державный глагол

приказов Верховного главнокомандующего и срывающийся голос простого политрука в предсмертном крике «Вперёд!», слитное, сорванное солдатское «Ура!», и тихое материнское благословение сына у потемневшего от времени порога отчего дома перед отправкой на фронт, и по-детски радостная размашистая надпись русского воина на стене и колоннах Рейхстага: «Мы – в Берлине!»

Несколько лет назад известный писатель, участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза Владимир Васильевич Карпов написал: «Дай бог всем нам дожить до 60-летия Победы: и ветеранам-фронтовикам от радостного до маршала, и нашим детям, и нашим внукам. И чтобы XXI век не повторил ни одного из трагических безумий завершившегося столетия».

К сожалению, время уносит не только людей, свидетелей эпохи, бывших фронтовиков, их отцов и матерей, жен, сынов, детей, но и нередко вместе с ними стремительно уходит

как увидит читатель, представлена ПРАВДА о Великой Отечественной войне, о нашей истории, о великом народе, жертвенно вставшем на защиту не только своей Родины, но и, в сущности, всего мира от омерзительного врага, самого страшного и жестокого.

Трилогия Александра Сизоненко «Советский солдат» встает в один ряд с лучшими духовно-нравственными и художественными памятниками подвигу русского советского солдата, явившись одновременно и подвигом фронтового писателя, нашедшего в себе силы и мужество в наше время не утратить от потомков трудную и величайшую правду о пережитом. Книга также стала и памятником безмерному терпению, мужеству народом-победителем, единству и сплоченности в час испытания России, Украины, Белоруссии, Казахстана, Грузии, Армении, Азербайджана, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, Туркмени... – памятником в слове нашему времени. Времени решающему, в котором определится, какая страна будет встречать через 10 лет уже следующий юбилей – 70-летие Победы. Вопрос далеко не праздный. И дабы не случилось так, чтобы к той поре книгу о нас, о наших отцах и братьях, о нашей Победе не считали бы по своим меркам новоявленные заморские историки и писатели.

Мы обязаны сегодня сами сказать и зафиксировать перед потомками и перед всем миром наше твердое ПОБЕДНОЕ СЛОВО о подвиге СОВЕТСКОГО СОЛДАТА!!!

Именно об этом и написал свою книгу «Советский солдат» украинский писатель Александр Сизоненко, всем сердцем любящий Россию и Украину, русское слово Пушкина и Гоголя.

Виктор ЧЕРНОМЫРДИН

85.04.2005

Степные дали памяти

«В степь или, из степи возвращались... Да, на войну шли в степь, и с войны в ту осень и зиму кое-кто возвращался из степи, а больше оставались там, словно и до сих пор пахнут далекими землями, где-то за топилем или за самым Днепром, и не могут вернуться домой».

Так начинается книга «Была осень» украинского прозаика Александра Сизоненко, который в своей трилогии «Советский солдат» пишет о начальном – самом горьком, как дым горящей степи, периоде Великой Отечественной войны.

Будущий писатель родился в этих степных просторах, в Ново-Александровке, под городом Николаевом, учился в украинской и русской школе. В апреле 1941 года семнадцатилетний Сизоненко опубликовал в багшанской районной газете свой первый рассказ «Весна». 21 июня проходит его выпускной бал, а потом хлопцы попадают под фашистскую оккупацию. Спасает из концлагеря свою школьную любовь Галю Драгунскую и женится на ней. В марте 1944 года призывается в ряды Красной армии-освободительницы. Воюет под Одессой, форсирует Западный Буг и Вислу. На пути к Рейхстагу 28 апреля 1945-го его тяжело ранит немецкая автоматная очередь в самом центре Берлина, в двух шагах от Александр-плаца. Русский друг вынес из-под огня. И первое, и второе рождение Александра Сизоненко оказались связанными с его двойным именем – в названии казачьей слободы и немецкой площади.

Много книг издал Александр Сизоненко, с которым не раз встречались мы на праздничных писательских дорогах от Николаевщины и Киева до Тюмени и Питера, общались с читателями, пели русские и украинские песни. Помню, мне писемники горячо говорили: «Эх, Сашко, жаль, что ты не можешь опустить до конца все поэзию прозы Сизоненко – это ж наш Чехов в своей степи!» И вот лауреат премии имени Тараса Шевченко издал накануне 60-летия Победы мощный итоговый фолиант. В серии «Всемирная библиотека поэзии и прозы – библиотека В.С. Черномырдина» – российский издательство «Московский писатель» и украинского издательства «Библиотека журнала «Дніпро» при финансовой поддержке президентского фонда Леониды Кучмы «Украина» и с участием группы компаний «Гренадер» вышла в свет под общей редакцией А.Ф. Стручкова трилогия ветерана «Советский солдат». Презентация её прошла в Киеве и в Праге, на Международной книжной выставке.

Переводчик трилогии Иван Максименко сумел передать романтическое и точное письмо автора, то добротное-повествовательное, то приподнято-оптимистичное: «Светало... Утренняя роса пала на траву, на колосистые хлеба, на дорожную пыль. Тени поблекли, а запахи усилились. Каждый теперь слышался резче, не хотел смешиваться с другими. Нескорошенная пшеница сильнее запахла солнцем...» Не сказать, что нива изданной 60-летию Победы литературы обширна, ароматна и разнообразна, как утренняя степь, но трилогия Сизоненко не затеряется в ней, не смешается с другими.

Встречи с настоящей книгой всегда спасительны и даже providentialны. Среди той безудержной, но беспомощной, а потому особенно дикой лжи, что обрушилась в либеральных СМИ на Победу, Красную армию, ветеранскую память, вдруг ложится на твой стол весомый том Александра Сизоненко, названный с чистой совестью и даже некоторым вызовом «Советский солдат», и ты смотришь на грандиозные трагические события новыми глазами, просветлевшими от слёз благодарной памяти и праведного гнева к тем, кто поганит её, пытается принизить подвиг советского солдата.

У меня это восприятие обострилось ещё и потому, что предмайскую пору я встретил в дороге по Украине и Кубани – Харьков, Симферополь, Феодосия, Керчь, Тамань. Места жесточайших боев, страшной оккупации, беспримерного подвига, описанного и в трилогии старшего собрата. Беру «Новую газету» в её кубанском варианте, открываю на статье неведомого писателя Всеволода Тихомирова «Эта война без ретуши». Читаю и содрогаясь: ну не даёт покоя автору слепящая ненависть к прошлому, мешает найти нужный тон, вникнуть в трагические противоречия, восхититься мужеством. Оперрует пропагандистскими клише и потопочными цифрами: «В первые месяцы войны Красная армия потеряла катастрофические поражение, которое было предопределено рядом причин». И пошёл занудный предпраздничный перечень...

А я стоял в эти же дни у памятного камня легендарному Феодосийско-Керченскому десанту 1941 года, так и не ставшего, увы, полноценным памятником, и думал: какой же силой и верой в свою победу надо обладать, чтобы в штурмовую декабрьскую ночь высадиться на этом голом берегу и освободить древнюю Керчь к новому, 1942 году. Вот заключительные страницы книги второй эпопеи Сизоненко – «Была осень». «В штурмовую ночь морская пехота прорвала бурное море, когда, кажется, ни одно судно не могло покинуть гавани, и осуществило дерзновенный морской десант, захватив Керчь, Феодосию и все пустынное побережье между ними. И генерал Манштейн, разбуженный среди ночи начальником штаба армии, поначалу из-под Севастополя через весь Крым, скованный гололедецией, спасать положение на Керченском полуострове».

Доехал он только до Семи Колосей, где удалось закрепиться выбитыми с побережья дивизиями, и тут же, допросив командира 46-й дивизии, которая оставила Керчь, приказал его расстрелять. Вот как негуманно – победоносное начало войны, а гитлеровский генерал прямо-таки сталинские методы навязывает! «Генерал стоял перед Манштейном белым как стена, полстареющий за одну ночь так, что его едва можно было узнать, и умолял в присутствии своих подчиненных:

– Господин генерал, не расстреливайте меня!

– Где вы были, когда они высаживались? – крикнул на него Манштейн, топа ногой. – Почему не сбросили на море?

– Во время такого шторма десант невозможен, – оправдывался генерал. – Вы же меня знаете...

Мы же вместе учились в академии...

Манштейн махнул перчаткой своей охране и отвернулся от бывшего одноклассника. За дорожкой сторож коротко и резко щёлкнул выстрелом.

Александр Сизоненко и в таких сценах остаётся художником, вводит запоминающуюся деталь: Манштейн во время этого безжалостного допроса раздражает праздничным пестрым галстуком под мундиром генерала, который готовился встретить Новый год.

Самое поразительное, что 2 января в только что освобожденной Керчи была открыта городская библиотека! Об этом мне её соотрудники с гордостью и скрытым упреком за нынешнее своё положение рассказали. Как ждали библиотеки в канун 60-летия Победы от таких ярких, духовноблестящих книг, вроде трилогии «Советский солдат», а им то денег не выделяли, то предлагали по дешёвке продукцию, которая просто ужасает, когда взглянешь на сайт новых предложений. Издательства (особенно отличился «Центрополиграф») завалили прилавки и коллекторы прахистскими книгами: «Последний солдат Третьего рейха», «Застольные беседы Гитлера», «Дневник

немецкого солдата. Военные будни на Восточном фронте». «Командир подполковник. Сталинные лодки вермахта. «Я был нацистским лейтенантом. Исповедь офицера» и многими другими.

Всенародная драма вздыбила историю, смешала судьбы, высветила многие противоречия и святости. Но и повествова о всеобщей трагедии, сверяя её с предательской эпохой «наших» и «своих», автор постоянно ищет нравствен-

немецкой властью выдавали за родных на Восточном фронте». Было иное? Конечно! Машина войны и геополитики крушила судьбы отдельных людей и целых народов. Но неужели нынешний, спасённый и благополучный, европейский мир не может осознать главной правды истории?

Ну а что же противопоставит этому на официальном, так сказать, уровне? Не так давно президент подписал указ «О военно-патриотическом воспитании», была принята государственная программа патриотического воспитания на 2001–2005

не приходится. А ведь надо рассказывать правду, просвещать, ставить на место фальсификаторов.

Уж вроде историки договорились о примерных цифрах солдатских жертв с обеих сторон (12 миллионов с советской и около 9 – с немецкой). Маршал Жуков писал, что враг потерял только под Москвой более 500 тысяч человек, а в Сталинградской операции – около 1,5 миллиона солдат. Не только немцев – Светлов писал об итальянцах на сталинградском снегу, а в Египетской, например, там десант разгромил румынский гарнизон. Но маршалу Победы могущественный Первый канал телевидения доверяет выборочно. Опытный идеолог Познер, который построил свои «Времена» так, что заткнул растерявшихся военных историков с объективными цифрами потерь, утверждал: «Мы под Берлином 300 тысяч потеряли. Мне Жуков рассказывал, сам Жуков – мне лично!» Потом оказалось, не ему, а Симоннову, в студии его отца-пропагандиста. Потом выступил преподаватель Государственного социологического университета: «Наши потери были в 8 раз больше, чем у немцев!» Ну и госслужащие у нас сегодня – чудовища! Актёр Басилашвили кричал по ТВ, приплетая «кабардино-балкарский народ», смешивая два народа с разной судьбой в сталинскую эпоху: «Потравили 20 миллионов человек, только на фронтах погибли двадцать!» Как на дешёвом аукционе: кто больше с нашей стороны и меньше – с немецкой?! Отвратительно работает государственная идеологическая машина – вся эта разрозненная армия чиновников, политологов и толкователей, которые не могут донести до всего населения реальные, уточнённые цифры, поставить на место зарвавшихся фантазёров. Ведь такой разгул конъюнктурной лжи невозможен в той же Германии – сколько можно жонглировать на крови и памяти!

Но это, так сказать, фактическая ложь, а есть ещё – нравственная. Тот же писатель Тихомиров впрямую клеветает на земляков, своих и Сизоненко: «Лишь через полтора года, когда вследствие массовых репрессий зондеркоманд на оккупированной территории люди поняли, что хрен редкше, не слаще, стремительно стали набирать силу патристические настроения». А в трилогии с первых дней войны и стар и млад, кроме прямых предателей, на высшем человеческом, а не только идейном уровне не приемиют оккупантов. Кому же из писателей верить? Тому, кто убедительней и глубже пишет! Вот полковой комиссар Стрепетов целует знамя полка и объявляет его вокруг тела, чтобы вывести из окружения, прорваться любой ценой. Его сопровождают тётка и отец. «Он поцеловал сына, а тётка Янина перекрестила его, обняла».

– Спаси, сохрани и помилуй, царица небесная, – сказала она и заплакала.

– Кула ты со своими царями небесными и крестами, – заворчал Дмитрий Иванович, – на нас вон проклятые фашисты идут с крестами.

– Мои кресты от дедов и прадедов наших, – сказала, плача, тётка Янина, – а ихний от сатаны».

Под сатанинским крестом Дмитрий Иванович примет смерть на виле, а сын его с помощью лейтенанта Сираша (вижу за этим образом черты самого автора!) вынесет окровавленное знамя на прострелен-

ной груди к своим. Сираш выстрелил знамя полка в реке и закровавил воду. «Этот кроветворный комиссар, – сказал лейтенант танкисту, – была на знамени – теперь в Дону». Снова исполни русичи окровавленную воду из Дона, но не шеломами, а касками... Вот она – верность правде и славе, завещанной предками!

Книга третья называется «Цель», и начинается она с воскресного утра 7 ноября 1941 года, которое проливалось через стрельчатые окна холодноватое сияние солнца и освещало рабочий кабинет Сталина с развёрнутой картой боевых действий, а заканчивается сценой фотографирования немецкого команданта и его подручных под виселицей с повешенными патриотами после удачной зимней охоты, где степные трофеи соседствовали с жертвами «нового порядка». Но всё это завершается налётом партизан и местью простых одесситов, которые и не думали ждать отведённые писателем полтора года: «Этот вам за Дмитрия Ивановича, – пробормотал себе под нос Гаркушенко, перезаряжая винтовку».

Солнце коснулось верхушек деревьев, кроваво полыхнуло над лесом. «К несчастью...» – подумал Гаркушенко, на убитых даже не взглянув.

И впервые со дня оккупации в его истрадавшей душе шевельнулась беспричинная радость. Или это было предчувствие?

Так заканчивается вся трилогия, которая посвящена самым трагическим первым месяцам войны, но исполнена предчувствием вождельной Победы над врагами общей советской Родины. Передать, воскресить то святое чувство – вот цель книги. Цели тех, кто пытается его убит или опорочить, – тоже понятны.

В заключение хочу сказать ещё вот о чём. Автор посвящает трилогию «Советскому солдату, павшему на поле боя, Даниилу Прокофьевичу Кучме и всем победителям в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». Уверен, что кого-то из читателей такая форма посвящения или вообще – сами авторы предисловия могут вызвать неприятие. Более того, я и сам, включая эти страницы, отзывался о них критически – как публицист о политиках. Но в данном случае хочу по-писательски убеждённо сказать: если каждый крупный деятель и состоятельный человек создаст свой фонд поддержки вот таких подлинно народных и честных произведений, а не шоу-проектов, начнёт выпускать библиотеку классики и достойной современной литературы, а не приговозит эрофевещию, поддержит трилогию о войне, а не очередной «Штрафбат», – может, Господь простит им многие прегрешения, а последующие политики и сильные мира сего откроют глаза на спасительный путь для страны и её многонационального народа. Всех её народов, если угодно, хотя у меня нет и отнюдь ощущения, что мы с моим полным тезкой принадлежим к разным народам, разделённым глупым кордоном. Низкий поклон тебе, солдат и собрат, который старше на целую эпоху – Великую Отечественную!

Александр БОБРОВ,
лауреат премии
имени А. Фатьянова
«Соловьёв, соловьи...»

Контактные телефоны для заинтересованных лиц – представителей книгоиздательства и книжной торговли: 208-95-24, 208-91-62

«Не прожить без прибаутки...»

Вопросы сначала кажутся невероятными. Смех на фронте? Можно ли было веселиться там, где кровь лилась рекой, а смерть стала привычным, почти обыденным явлением?

Безудержного веселья, по свидетельству людей, воевавших на фронте, не было, а вот без шуток, конечно же, не обходились. Ес-

тественно, расслабление приходило после боя, когда спало напряжение и воины стремились скорее отвлечься, забыть — хотя бы ненадолго — о смертельной опасности, талящейся повсюду. А потому острое слово и смех были на фронте незаменимы, как и традиционные народные сказки, которые передавались из поколения в поколение.

Вспомните, как часто слышали вы в детстве: «Жизнь без пицци можно сутки, можно больше, но порой на войне одной минутки не прожить без прибаутки, Шутки самой немудрой...» Звучали известные, позже вошедшие в историю мелодии, но встречались и много переработанные, в том числе и в стихах. Шли «в дело» сказки, переказывались на военный лад, добрые и известные литературные произведения. Порой авторы трансформиро-

вали их так, что перенести на бумагу, тем более цитировать, невозможно — из-за обилия неформальной лексики. Но слова были закоренные, полные оптимизма и веры в Победу. Во многих звучали ностальгические нотки: людям отчаянно хотелось прежней, мирной жизни и особенно — влюбиться и быть любимыми...

В «мессинг» фронтов оного жомора не редк о, оощуцали невиданный душевный подъем. Хотелось лететь и веселиться. Если не бесконечно, то хотя бы как можно дольше. Жаль, жизнь не дала им такого шанса. Праздник Победы быстро миновал, и началась будни. Мирные, но тоже очень суровые...

жанровые откровения того времени. Ну а те, что сохранились, подтверждают неопровержимый вывод: Красная Армия превзошла немецкую не только в стратегии, тактике, но и в крепости духа и... остроумии.

Отдельной главой обширнейшей, к сожалению, пока не написанной, энциклопедии фронтового юмора могли бы стать лозунги тех времён, из которых можно составить целую летопись сражений Великой Отечественной: «Курская дуга согнула врага!», «Фашистам у Прута пришлось круто!», «Фрицам, братцы, стало кисло: позади осталась Висла!», «Раздавим Гитлера в блин, как придём в Берлин!»

И наши славные воины, наконец, пришли, вернее, ворвались в фашистское логово! А позже нескончаемой чередой потянулись на Родину украшенные ветками и букетами полевых цветов шешелюны с демобилизованными солдатами и офицерами. Весело гуля, врывались на вокзалы больших городов и мчались мимо маленьких полустанков поездов, на которых красовались заливатские транспаранты. Вот такие: «До свиданья, граница, нам давно Россия снится!» Или такие: «Победили домой с фронта возвращаются. Столько сразу ухажёров — глаза разбегаются!»

Победители, конечно, оощуцали невиданный душевный подъем. Хотелось лететь и веселиться. Если не бесконечно, то хотя бы как можно дольше. Жаль, жизнь не дала им такого шанса. Праздник Победы быстро миновал, и началась будни. Мирные, но тоже очень суровые...

Герой Советского Союза снайпер Илья Григорьев уничтожил 328 немцев и обучил многих молодых бойцов искусству сверхточной стрельбы.

Ловля на мушку
Твердят о снайпере бывалом:
«На мушку взял — и фрица нет!»
Ловец на мушку, основал он
Стрелковый университет.

Рисунки Ивана СЕМЁНОВА
из журнала «Фронтовая иллюстрация», октябрь 1944 г.

Чудесное превращение
Артиллерист неугомоним,
В прямой наводке подвизаясь:
«И «тигр» фашистский перед ним
Уже не тигр, а робкий заяц!»

Разведчик Мишка Каматозов приехал в Берлин в первом мартовском утром 1943 г. Свою легенду он знал хорошо, а язык врага — плохо. Но в центре ему дали документы, по которым он только что выпущен из госпиталя после тяжёлого ранения в голову, а потому имел право путать немецкое прошлое с настоящим русским. Пожилей шущман на вокзале проверил у него аусвайс и подмигнул: «Добро пожало-

Когда смотришь иные телесериалы о войне, хочется схватиться за голову. Или написать нечто пародийное. Образец такого творчества мы предлагаем вниманию наших читателей.

как они выпили по первой рюмке «Столичной». После тяжёлого ранения тружусь в тылу. Ну это по легенде... Жалованье в Москве положили мизерное, хорошо, что немцы как инвалиды рейха приплачивают. Работёнка, правда, на бай лежачего — две радиопрограммы прозвучи Перфект. На первом этаже живёт, привратником служит... Пришла Дешифровская. Вместе с ней какой-то мужик с железным крестом на груди. Мишка по-немецки было залопотал, но чувствует — с грубыми ошибками. Думал — провал,

мрачнели: «Опять прут, гады...» Допили вторую бутылку «Столичной». Трофимыч ушёл куда-то, вернулся с «Бенедиктином», купленным ещё до войны, в торговле в Столешниковом. Когда выпили и её, Мишка произнёс фразу, которую готовил весь вечер: «Ребята, а мне ведь пристроиться куда-то надо...» Славка и Трофимыч миглом помрачнели. И решительно сказали, что ходите на поклон к майору СМЕРШУ, кад-

Кругом наши люди

вать в логово... Он сильно смахивал на соседа по даче — Христофора Семёныча Сосредоточенных.

Английскую бомбардировку Мишка передал в пивной на Унтерден Линден, американскую — в закуской на Моцарштрассе. Потом зашёл в Тиргартен, спрятал шифровку в клетке с тигром и, заметив слежку, нырнул в бассейн с носорогом. В пустой клетке обезьянчика Каматозов переродился в форму оберштурмфюрера и поехал к радистке Катрин Дешифровской, которая жила в коммунальном квартале в центре Берлина. В пути его застала русская бомбёжка, и Мишка, пока трамвай стоял на светофоре, взорвался, на всякий случай просягнал глаголы sein и haben. Дверь в квартиру Катрин открыл сосед, в котором Каматозов узнал Славку Морзянку, с которым они учились до войны в школе. Тот в августе сорок первого ушёл в «академику» и исчез. — Стёп пор тут и ошиваясь, — пояснил Морзянка после того,

ровику рейхсканцелярии Поступкову, больше не станут. Он всякий раз орал истошно: «Куда там эти олухи в центре смотрят? Шют и шют людей, а ведь свободных ставок ни в вермахте, ни в СС и СД нет и не предвидится...» Тут заговорила Катрин: — Можно, конечно, через своего Адольфа попробовать, но он послал Сталина ходит. Наши его в «Вольфем логове» встретили, а он руками замаяхал: «Сейчас времени совсем нет, ребята, вот с Курском разберёмся, тогда заходите...» И решительно добавила: — Через Браун действовало надо. — Ты что, Ебу знаешь? — Само собой. Она в Москву до войны по турпутёвке приезжала. Я в «Метрополе» горничной работала и «жучок» в ве номере под плинтус прятала. В ту же ночь в центр ушла радиопрограмма: «Дядя благополучно перенёс операцию...»

Валерий БУРТ

Переводы...

Саморез — самурай.
Ледоход — фигурист.
Лицемер — косметолог.
Лоботряс — боксёр.
Неон — постылый муж.
Лампас — светофор.
Малолитражка — четвертинка.
Пищаль — капризная женщина.

...и оговорки

Мать и митка.
Книжное обострение.
Пойман с больничным.
Фаршмагор.
Уровень беззаботицы.
Площадь эволюции.
Балетная сцена.
Салон женской надежды.

Иосиф ДИККЕНШТЕЙН

СПОРТИВНЫЕ СТРАСТИ «КЛУБА ДС»

БАСКЕТБОЛЬНЫЙ РАЗВРАТ

Администрация «Клуба ДС» мнит себя — и не без оснований — преданной болельщицей, а потому старается быть в курсе спортивных новостей. Однако непривычным порой случается впечатление от прочитанного. Пример тому — опубликованный в «Советском спорте» репортаж о баскетбольном матче, откуда, в частности, мы узнали следующее: «Преимущество в первой половине переходит от одной команды к другой. Так гуляющая девка отдаётся солдату той армии, что занимает её деревню». Мы восприняли эти строки с печалью. Если начался разврат баскетбольный, то, ровней час, грянет лыжный, велосипедный и, не приводи бог, шахматный. В футболе же дурные нравы приметны давно: наша сборная, который год отдаётся прилюдно кому ни попадя. Другое сообщение и вовсе повергло в шок любителей спорта. Оказывается, главный тренер национальной российской хоккейной команды накануне

чемпионата мира обуревали мысли о... самоубийстве. В интервью другой газете он заявил: «Работа в сборной — это работа с петлей на шее. Выскочу я из неё, не выскочу — не знаю». Администрация, конечно же, желает уважаемому специалисту высочайшее уважение. Ну а если это не удастся, не стоит огорчаться. Главное — не затягивать петлю слишком туго. Тогда можно будет громко, но, не теряя достоинства, попросить о помощи...

Избыток кушарок

Суровость законов регулируется гонорарами адвокатов.
Труднее всего поднимать экономику, сидящую на нефтяной игле.
Где всё держится на честном слове, обманывают без зазрения совести.
Утоление жажды власти диктатурой — это произвол.
В борьбе за демократию побеждают выходцы из народа.
Мы обогнали бы всех на круг, если бы удалось догнать отстающих.
Думы о родине не имеют думского большинства.

На политической кухне пахнет жареным от избытка кушарок.
Вершители судеб не обременяют себя отдалёнными личностями.
В политических играх побеждают политтехнологи.
Внешние долги отдают, влезая во внутренние.
Самые несметные богатства у составителей государственных смет.
Спорить с эрудитами дуракам позволяет отсутствие интеллекта.

Виктор СУМБАТОВ

ВПЕЧАТЛИЗМЫ

Ужасно МЕТРО

Однажды собрался в гости к бывшему однокашнику. Зашёл в метро, встал у турникета, роюсь в карманах, карточку ищу. А её нету. Три раза толкнул, один раз пули. И дали по печени. Хамы!

Купил карточку, спустился по эскалатору. Шагнул в вагон и задумался. Два раза задела, три раза пули. Дали по печени. Плебей!

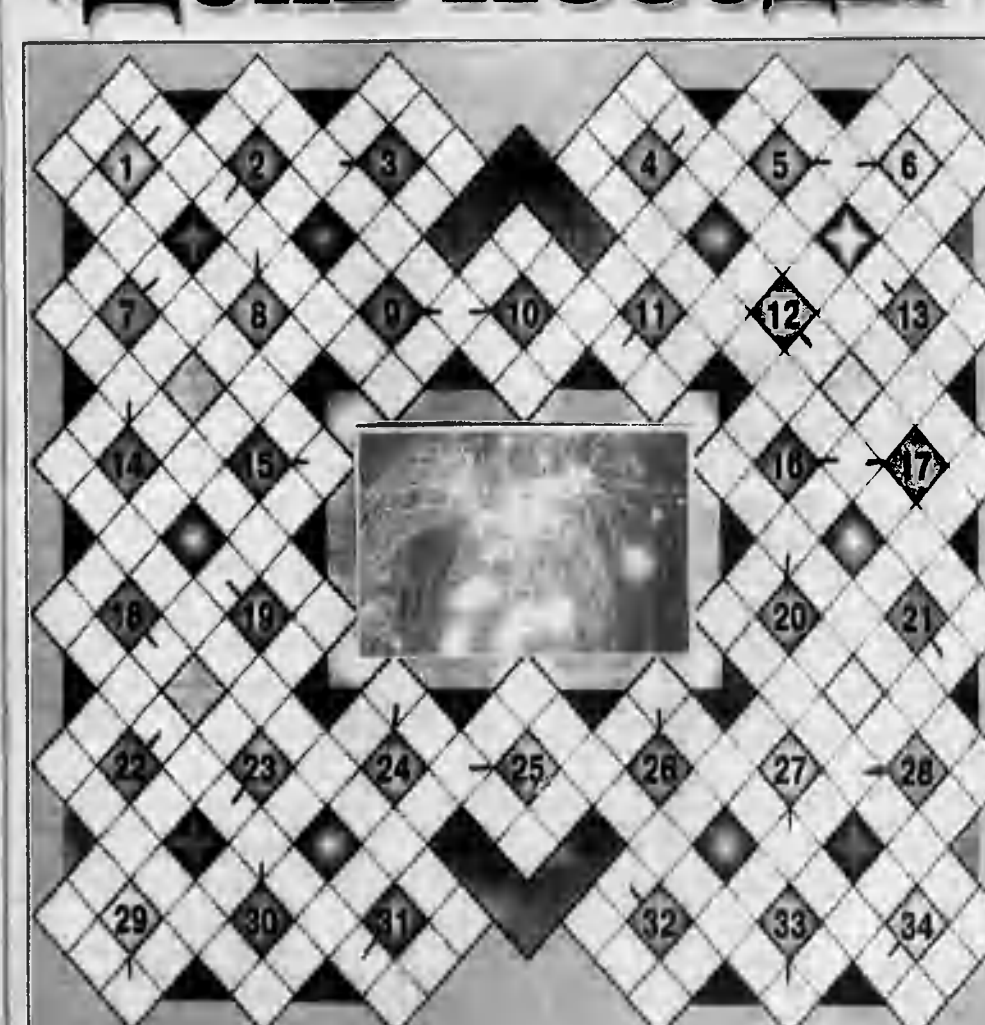
На нужной станции шагнул из дверей. Вспомнил колючую, однокашников. Обругали, оторвали пуговицу, дали по голове. Хулиганы!

На выходе из метро остановился у дверей, чтобы причестаться. Сбили. И молча дали по почкам. Закрываю почки — ударили в глаз. Скоты!

Наконец встретились: я, приятель и водка. Возвращался домой нетрезвый, нервный, не в себе. Кого-то сбил, на кого-то упал, кого-то пули. Вы не поверите, как трудно ездить в нашем метро! Просто ужасно!

Геннадий РЕШЕТНИКОВ

«День Победы»

1. Повесть В. Быкова (экр.). 2. Писатель, автор повести «Непокорённые» (экр.). 3. 4. Маршалы, награждённые высшим военным орденом «Победа». 5. 26. Города-герои. 6. Исполнитель главных ролей в фильме «Шорс», «Неуловимый Ян». 7. В шесть часов вечера после войны». 7. Роль А. Папанова в фильмах «Живые и мёртвые», «Возмездие» (по К. Симонову). 8. Писатель, автор повести «А зори здесь тихие...» (экр.). 9. Популярный актёр, снявшийся в фильмах «В огне брода нет», «На войне как на войне», «Пришёл солдат с фронта» и др. 10. Писатель и поэт (сб. «По дорогам войны», 1945 г.), был главным редактором журнала «Советский Союз». 11. Страстность, взволнованность, наполненные пафосом. 12. Она исполнила главную роль в фильме «Посол Советского Союза». 13. Спор, столкновение мнений при обсуждении различных вопросов. 14. Генерал-майор (комдив), отличился в битве под Москвой, Герой Советского Союза. 15. Артиллерийский снаряд. 16. Писатель, автор романа «Июль 1941 года», повести «Пядь земли». 17. Роль Елены Драпеко в ленте С. Ростокского «А зори здесь тихие...». 18. Воинское звание. 19. Частая продолжительная стрельба из многих орудий. 20. Картина-портрет художника Е. Моне. 21. Композитор, автор песен «День Победы», «Я люблю тебя, Россия». 22. Художник, изображающий военные сюжеты. 23. Она сыграла роли в фильмах «Молодая гвардия», «Помощь сердца», «Клятва». 24. Моряк-артиллерист. 25. Лётчик, Герой Советского Союза (1943), чей подвиг запечатлён в книге Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке» (экр.). 27. Лётательный аппарат, применявшийся для воздушных заграждений в годы войны. 28. Снаряжение военнослужащего. 29. Автор романов «Тишина», «Горячий снег», повести «Последние залпы» (все экр.). 30. Писатель, автор романов «Прокляты и убиты», «Печальный детектив». 31. Знамя сводных полков, участвовавших в Параде Победы (24.06.1945), который принимал маршал Г. Жуков, командовал маршал К. Рокоссовский. 32. Исполнительница главной роли в фильме режиссёра Ф. Эрмлера «Она защищает Родину». 33. Форма военных действий (наступательных или оборонительных). 34. Основное подразделение в ракетных войсках и артиллерии.

Автор Вл. СМАГИН

Ответы на кроссворд «День Победы»

1. Солженицын. 2. Горький. 3. Тарковский. 4. Тарковский. 5. Ленинград. 6. Ленинград. 7. Ленинград. 8. Ленинград. 9. Ленинград. 10. Ленинград. 11. Ленинград. 12. Ленинград. 13. Ленинград. 14. Ленинград. 15. Ленинград. 16. Ленинград. 17. Ленинград. 18. Ленинград. 19. Ленинград. 20. Ленинград. 21. Ленинград. 22. Ленинград. 23. Ленинград. 24. Ленинград. 25. Ленинград. 26. Ленинград. 27. Ленинград. 28. Ленинград. 29. Ленинград. 30. Ленинград. 31. Ленинград. 32. Ленинград. 33. Ленинград. 34. Ленинград.

МОНРЕАЛЬ

регулярный рейс с 29 мая

Вылет из Москвы в 22-30, по воскресеньям

НА КОМФОРТАБЕЛЬНОМ БОИНГЕ-767

ИНФОРМАЦИЯ И БРОНИРОВАНИЕ

МОСКВА: 8-800-200-2376(AERO); звонки по России бесплатно, 788-80-80

пл.Революции, д.2 стр.3, Павелецкая пл., д.2, стр.3, 2-й Смоленский пер., 3/4

WWW.TRANSABO.RU

Приглашаем к сотрудничеству турфирмы. Тел.: 937-84-57, факс: 937-84-59, e-mail: market@transaero.ru

Приглашаем юношей и девушек со знанием иностранного языка на вакансии «Спирит».

Запись на собеседование: тел. (095) 241-61-53